

Сергей Курган

**ОПРАВА ДЛЯ
БРИЛЛИАНТА, ИЛИ
ПЯТЬ ДНЕЙ В
ПАРИЖЕ**

Книга первая

Сергей Курган

**Оправа для бриллианта, или Пять
дней в Париже. Книга первая**

«Издательские решения»

Курган С.

Оправа для бриллианта, или Пять дней в Париже. Книга первая /
С. Курган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856500-7

Этот роман увлекает, затягивает, как в водоворот... Мистика и тайна, история и современность, изящные диалоги и легкий флирт, красочные и малоизвестные подробности о замках, городах и вещах, а главное — о людях, которые творили историю. И об алмазах — царственных камнях, подсвечивающих все это своим дивным светом... В Париже может произойти все, что угодно! Влюбленность? О! Намного больше того — соприкосновение с невероятным! Чудеса с продолжением...

ISBN 978-5-44-856500-7

© Курган С.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Оправа для бриллианта, или Пять дней в Париже Книга первая

Сергей Курган

Оформление обложки И. С. Ковальчук

© Сергей Курган, 2017

ISBN 978-5-4485-6500-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моей жене Инне, с любовью

*Cogito, ergo sum.*¹
Декарт

---

¹ (Лат.) Я мыслю, следовательно я существую.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «ДРУГОЙ ПАРИЖ»

ГЛАВА 1

«МАДОННА В ГРОТЕ»

Их четверо: четыре фигуры, расположившиеся среди скал и как бы вписанные в треугольник, на берегу озера или пруда – у самой воды. Темный колорит – в основном коричневые тона, местами светлеющие до зеленоватых, местами – почти чернильно-черные, как вода, которая плещется у их ног. Хотя нет, не плещется – она как будто совершенно стоячая, неподвижная. Но самое странное – это пейзаж на заднем плане: скалы не то, чтобы нависают, а, скорей, буквально парят в воздухе – как такое возможно? Что это? Где он это видел? Во сне? Или это – просто фантазия? И там, на заднем плане, – опять вода, – на такой-то высоте? Или здесь не высоко? Но почему-то совершенно невозможно отделаться от ощущения, что это где-то в вышине, вероятней всего, в горах.

Кто они такие? Мадонна – это понятно. Но младенцев почему-то два. Надо думать, один из них – Христос, а второй кто? И кто тот юноша справа, чья мантия выделяется на общем коричневом фоне ярким красным пятном? Какая странная картина! И ведь это – тоже

Леонардо да Винчи. И картина эта значительно больше и, пожалуй, намного интересней, чем «Джоконда». Почему же возле нее никого, кроме Ани, нет, в то время как у «Джоконды» – не протолкнешься?

Аня оглянулась, бросив взгляд в сторону «Моны Лизы». Как и положено мировой знаменитости, возле нее толпа: все щелкают фотоаппаратами, снимают на видеокамеры. Вдобавок – еще и пуленепробиваемое стекло. Ни у каких других картин здесь, в Лувре, насколько она успела заметить, больше такого нет. Да что говорить – многие приезжают в Париж и приходят сюда, в Лувр, прежде всего для того, чтобы увидеть ее. Хотя, что там смотреть? Картина небольшая, близко к ней не подойти, да еще и эта защита от психов...

Аня снова повернулась к Мадонне: а здесь спокойно, никакого ажиотажа. И ведь ясно написано – Леонардо да Винчи. Аня точно не помнила, но, кажется, где-то читала, что от великого итальянца осталось совсем немного картин, и поэтому все они – на вес золота. Но эту, похоже, мало кто знает. Зато уж «Джоконду» знают все, даже люди от искусства далекие. Может, эта дамочка с ее пресловутой «загадочной улыбкой» – просто хорошо раскрученный бренд?

– Да, да. Именно – «раскрученный бренд», – прозвучал у самого уха по-русски хорошо поставленный глубокий баритон. – И еще как раскрученный – профессионально, с размахом. Французы всегда умели подать товар лицом: они и теперь верны себе. Согласитесь – это же надо уметь: прогорклые заплесневевшие сыры представить миру как величайший деликатес. Люди вообще мало изменились за последние пару тысяч лет: обирают, как и прежде, только под красивым соусом. Теперь это продают под брендом «туризм», хотя некоторые предпочитают называть это «безумием белого человека».

Аня изумленно оглянулась – за самым ее плечом стоял худощавый усатый брюнет неопределенного возраста. В целом он выглядел довольно молодо, но на висках серебрилась седина.

Он что, читает мысли? Или она произнесла это вслух? Нет, кажется, только подумала...

Мужчина иронично смотрел на нее, в его серо-голубых улыбающихся глазах словно плясали чертики. Отлично сидящий костюм, уверенная осанка и, особенно, речь, тон: все это выдавало аристократизм. Да, именно аристократизм, но какой-то немного необычный, словно не из этого мира. Впрочем, Ане за те двадцать четыре года, что она живет на свете, еще ни разу не случилось общаться с аристократами, так что – кто его знает? Может, они такими и должны быть. Возможно, это потомок русских дворян, давно эмигрировавших из России? Однако внешне он совсем не походил на русского – скорее что-то южное. Романское? Не поймешь. А с другой стороны, речь: совершенно без всякого акцента, словно только что из Москвы. Хотя... Вряд ли из Москвы.

– Просканировали меня, – это прозвучало не как вопрос, – и каковы выводы?

Тон и выражение лица незнакомца при этом нисколько не изменились. Аня смутилась. Смутилась, ну надо же! Но вопрос этот оказался для нее совершенно неожиданным, а под этим взглядом она определенно чувствовала растерянность – незнакомец словно смотрел сквозь нее, как сквозь стекло. А, может, это оттого, что он будто бы прочел ее мысли? Или, правда, прочел?

– Скажите, – собрав волю в кулак, спросила Аня и посмотрела незнакомцу прямо в глаза, – Как вы догадались, о чем я думаю?

Аня приготовилась выдержать его взгляд, не отводя глаз. Что за дела?! Не хватало еще раскиснуть! Но тут взгляд незнакомца смягчился, «рентген» потух.

– Это было не трудно, – мягко ответил он. – Вы долго рассматривали картину, а затем оглянулись на «Джоконду». После чего вновь посмотрели на «Мадонну в гроте» и слегка покачали головой.

Вот так все просто? Но ведь он не только понял, о чем я думаю, – спохватилась Аня. – Он точно повторил мои слова!

– Вас шокировал этот «раскрученный бренд», я понимаю, – продолжил между тем он. – Но и это тоже – не фокус. Расхожее выражение. Внимательно пронаблюдав за вами, догадаться было не слишком проблематично.

– Я думала, что в Лувре смотрят на картины, а не на посетителей.

Кажется, это было сказано чересчур резко. Или нет?

– Это – кто как, – ответил незнакомец невозмутимо. – Кто как. Мне порой интереснее смотреть как раз на посетителей. Тем более посетительниц.

–

А, вот он, значит, куда. Неужели опять все то же? Какая тоска! А ведь все началось так интригующе. Казалось, в этот раз будет, наконец-то, по-другому...

– Нет, не то, – он словно вновь прочел Анины мысли. – У вас удивительный профиль, и мне почудилось в нем нечто знакомое... У вас определенно очень изящные черты, но вы это наверняка слышали пятьсот раз, так что это набило оскомину. Я хотел сказать о другом.

Вот как? Так что же? Значит, все-таки?..

– Эти картины я видел уже так много раз, что знаю их лучше, чем обстановку своей гостиной. Наблюдать за вами, напротив, было весьма увлекательно. По крайней мере, меня это развлекло – небольшой этюд, я бы сказал.

– Странные у вас развлечения. Зачем вы в таком случае вообще пришли сюда? Неужели только для того, чтобы практиковаться в этих своих этюдах? Или вы так знакомитесь?

– Меня тоже всегда раздражал этот прямо-таки маниакальный интерес к портрету третьей жены синьора Джокондо из Флоренции, – сказал незнакомец вместо ответа. – И, должен признаться, мне «Мадонна в гроте» тоже нравится куда больше. Или вот, скажем, «Дама с горностаем», то есть портрет Чечилии Галлерани – он несравненно ярче и выразительней. Даже его ранние вещи, например, «Благовещение», гораздо интересней. Но, однако же, Леонардо всегда таскал Джоконду с собой, куда бы он ни направлялся. Выходит, она что-то значила для него, и значила немало... Впрочем, я догадываюсь.

– Третья жена? Это вы о Джоконде? – спросила Аня, совершенно позабыв о том, что только что собиралась вступить с незнакомцем в жесткую перепалку. Этот человек говорил о Леонардо, как о старом приятеле, и это сбивало с толку, но вместе с тем определенно интриговало...

– Вообще-то ее звали Лиза Герардини – Лиза дель Джокондо – по мужу, Франческо дель Джокондо. Для него это был действительно третий брак. Две первые жены бедолаги умерли, прожив в замужестве с ним всего год.

– Что с ними случилось?

– Ничего особенного – обе умерли родами.

– А дети?

– И дети тоже.

– Какой ужас!

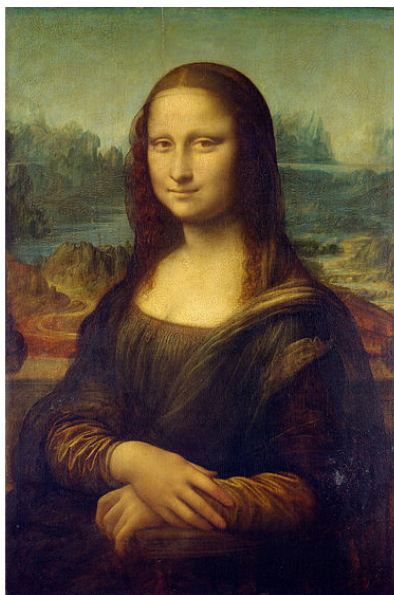
– Ну, почему ужас?

Незнакомец смерил Аню долгим взглядом.

– Хотя сейчас... Да, пожалуй. Но тогда это было совершенно обычное дело. Смертность рожениц, равно как и младенческая смертность была тогда очень высока.

– А эта, третья, Лиза?

– О, с ней старине Франческо повезло – она родила ему сына – Пьеро, потом – дочь. Правда, дочь умерла, но это ерунда. Главное, что сама Лиза выжила и родила ему еще одного сына – Андреа. В те времена во Флоренции это было более чем достаточным поводом, чтобы заказать портрет жены.

«Джоконда» («Мона Лиза») 1503г. Худ. Ленаардо да Винчи. Лувр. Париж.

– И он заказал его Леонардо?

– Именно. Это было как раз, когда... – незнакомец осекся, будто неожиданно подумав о чем-то. – Короче, это было в 1503 году, как раз когда Леонардо пришлось вернуться во Флоренцию.

– Вернуться? Он что, был родом из Флоренции?

– Он родился в городке Винчи под Флоренцией. Собственно, это явствует из его прозвища: Леонардо да Винчи, то есть, Леонардо из Винчи.

– Так это не фамилия?

– Нет, фамилии тогда еще не вполне устоялись. Хотя именно в Италии они появились впервые.

– Но что значит «пришлось вернуться»? И откуда?

– Из Милана, после того как там свергли герцога Лодовико Сфорца, который был главным заказчиком нашего дражайшего Леонардо. Леонардо там, как теперь говорят, нарубил немало бабла.

– Вот прямо так – «бабла»?

– Прямо ли, криво ли – в конце концов, а что вы хотели? Думаете, наш величайший гений всех времен и народов помышлял только о высоком? Беззаветно служил искусству, и все такое? Не смещите мои тапочки! Он был тот еще проходимец, впрочем, как почти все итальянцы.

Манера нового знакомого не то, чтобы сильно шокировала Аню – она выросла вовсе не в семье рафинированных интеллигентов – а скорее, несколько удивляла, казалась странной. Словно бы что-то с чем-то не вязалось. Впрочем, все равно – не важно, – подумала она. – Главное, это интересно. И, похоже, становится все интереснее и интереснее...

– Проходимец? – удивилась Аня. – Леонардо да Винчи?

– Ну, да. А что вас, собственно, удивляет? Если он был гением – а он им, несомненно, был – то разве из этого следует, что он был бессребреником и средоточием всяческих добродетелей? Впрочем, пусть не проходимец, если угодно. Скажем так, авантюрист. Да и вообще, искусство никогда не было для него главной сферой деятельности.

– Я знаю, что он был еще инженером, изобретателем. Но мне всегда казалось, что, прежде всего он все-таки был художником.

– Вы ошибаетесь. Впрочем, как многие, и даже большинство. Тем не менее, это ошибочное суждение. Отнюдь не живопись была его главным *métier*.

– Как вы сказали? Главным...

– Ремеслом. Французского, стало быть, вы не знаете. Живете в России?

– Нет, в Германии.

Он не удивился, восприняв это, по-видимому, как должное, только спросил:

– А где в Германии, если не секрет?

– Не секрет. В Вормсе. Это в земле Рейнланд-Пфальц.

– Да-да, я в курсе, – холодно отозвался он. —«Die sagenumwobene Nibelungenstadt am Rhein. Die Mutter der Reichstage²», и так далее, и так далее. Брунгильда, Кримхильда, белоку-
рый Зигфрид. Фафнир³ и ребята. Понимаю.

– Вы и немецкий знаете?

– И немецкий, и всякие прочие. Я вообще полиглот.

– И на скольких же языках вы говорите? – спросила Аня с раздражением.

– О, на многих! Долго перечислять. И не обижайтесь. Я вовсе не хотел на вас «наезжать». Но поверьте, избегая пояснений, вы сэкономите много времени.

«Императорский" Собор Санкт-Петер в Вормсе. Германия.

Ох, какие мы! Все же неприятный осадок от прозвучавшего в его голосе снисходительного превосходства у Ани в душе остался.

– Вы бывали в Вормсе? – спросила она сдержанно.

Пожалуй, получилось уж слишком холодно, прямо-таки морозно.

– От вашего тона может замерзнуть Преисподняя, – ответил он и почему-то расхохотался. На них стали оборачиваться.

– Извините, – бросил Анин собеседник. – В славном городе Вормсе я бывал. Уж приходилось... – он задумался.

– Впрочем, – встрепенулся он, – вернемся к нашему другу Леонардо. Так вот, повторю: живопись не была его главным ремеслом. Об этом, между прочим, свидетельствует хотя бы

---

² Овеянный легендами город Нибелунгов на Рейне. Мать имперских сеймов. (нем.)

³ Перечислены персонажи Песни о Нибелунгах, в том числе дракон Фафнир.

то, что он оставил после себя всего-то какую-нибудь дюжину картин. По крайней мере, если говорить о тех, чья атрибуция достаточно надежна.

– Атрибуция? – удивленно повторила она незнакомое слово.

– Да. Этот термин означает «установление авторства». Видите ли, далеко не все картины, приписываемые или приписывавшиеся Леонардо, действительно были созданы им. Им лично. Например, небезызвестная «Мадонна Литта», что хранится в вашем Эрмитаже. Так вот, ее на самом деле написал Джованни-Антонио Больтраффио, один из учеников Леонардо, правда, по рисунку мэтра. Хотя везде написано, что это Леонардо.

«Мадонна Литта». Эрмитаж, Санкт-Петербург. Худ. приписывается Леонардо да Винчи, но предположительно Дж.-А. Больтраффио.

– В «нашем» Эрмитаже? А вы разве не русский?

– Я-то? – он задумался. – Не то чтобы. Я бы сказал, скорее нет, чем да.

– Но вы говорите по-русски совсем без акцента.

– А, это конечно. Я вообще к языкам способный. Наследственность, знаете ли.

– Говорят, у меня тоже есть способности к языкам. От мамы.

– Ну, у меня от папы. – Он усмехнулся. – А что касается Леонардо, то он в Милане, правда, написал несколько картин, а также оставил после себя «Тайную вечерю». Надеюсь, вы о ней слышали?

– Я видела ее. Правда, только на репродукциях. Но уж вы-то наверняка видели ее в оригинале, не так ли?

– Разумеется, – спокойно ответил он, не обращая внимания на вызывающий тон Ани. – И все же, в основном он там занимался совсем другими вещами.

– Какими?

– Он работал на войну.

– То есть?

– То и есть. Сфорца вел тогда войну с Венецией и тратил 70 процентов бюджета на нее. Для Леонардо это была просто золотая жила. Он огреб с герцога в общей сложности ни много, ни мало – 1000 золотых дукатов. Тогда это были, мягко говоря, очень приличные деньги. Наш гений изобретал для Сфорца военную технику – всякие хитроумные машины, благодаря которым можно было убивать намного больше и намного эффективнее, чем когда бы то ни было прежде. Ни у кого другого, кроме Сфорца, тогда не было под рукой такого хитрого малого, как Леонардо – в изобретении орудий массового убийства он проявил поистине дьявольскую изобретательность. О да – по-настоящему дьявольскую. Уж тут я вас могу заверить...

Что-то Аню кольнуло при этих словах. Она почувствовала смутное беспокойство.

– Это что, танки? – спросила она. – Я что-то слышала об этом.

– Нет, не танки. Танки появились только в 1915 году.

– Но я же видела рисунки. И везде говорят, что это были самые первые танки. И что Леонардо далеко опередил свое время.

Незнакомец усмехнулся. В глазах его засветился сарказм.

– И что вы видели на этих рисунках? Не припомните ли?

– Ну, – Аня замялась, бывшая уверенность начала испаряться, – Такие круглые штуки на колесиках, наверное, бронированные. А там, внутри – люди, солдаты.

– Не стоит смущаться – все верно. Именно – круглые штуки, точнее не скажешь.

Он что, издевается? Или?..

– И не думаю издеваться.

Аня вздрогнула. Это уже как-то слишком...

– В самом деле, – вновь заговорил он – «круглые штуки на колесиках». А что, разве не так? И, уж конечно, не бронированные. Не было тогда брони, по крайней мере, в современном смысле этого слова. Ее наш гений не изобрел и, замечу, никак не мог изобрести: не было соответствующих технологий, материалов, промышленности. Да она и не нужна была тогда, броня. Ведь и снарядов не было.

– Разве тогда еще не было пушек?

– Пушки были, – теперь его ирония била через край. – Страшное оружие. Страшное, главным образом, для самих стреляющих – при каждом выстреле ствол мог не выдержать и разорваться. Это и случалось нередко. Такая, с позволения сказать, артиллерия представляла куда большую угрозу для своих, чем для противника. Поначалу из пушек вообще стреляли только сами мастера, их изготовившие, так как прочие не решались. Причем, они «обслуживали» сразу несколько пушек. При появлении врага они подбегали к ним поочередно с горящим фитилем. Но и потом стало не намного лучше: поскольку не было подходящих сверлильных станков, орудия отливались сразу с внутренней полостью. Такие пушки выдерживали в лучшем случае несколько выстрелов. Заметьте, я не говорю о скорострельности или насыщенно-

сти артиллерией войск. Это вообще смешно. Только в 16 веке артиллерия вышла из детства, выросла, так сказать, из коротких штанишек.

– Странно. Никогда об этом не думала.

– Это нормально. Девушки во все времена мало интересовались подобными вещами. Однако же, это факт. Вот когда оборона насытилась пулеметами и ошетинилась рядами колючей проволоки, тогда и танки понадобились. А эти «танки» Леонардо... Так, в лучшем случае прообразы. И, кстати, эти самые «люди внутри». Они-то как раз и приводили эти якобы танки в движение мускульной энергией – такой, знаете, «двигатель» мощностью в пять – шесть мужиков с явно не лошадиными силами. Эту прелесть вы можете, кстати, увидеть воочию в парке замка Кло-Люсе, в городке Амбуаз – в долине Луары, где наш друг провел последние два года своей жизни. Разумеется, это макет, сделанный по чертежам Леонардо. Впрочем, довольно точный.

Макет «танка» Леонардо да Винчи, рисунок.

– Леонардо переехал во Францию?

– Да, его пригласил король Франциск I: принял воистину по-королевски, со всеми его... ну, скажем так, *домочадцами*. Замок предоставил недалеко от своего, королевского, который стоял и по сию пору стоит в том же городке Амбуаз. И, кстати, там, в этом королевском замке «Амбуаз», в маленькой часовне, Леонардо и похоронен.

– И вы, конечно, там были?

– Был. Я много где был. Пожалуй, даже чересчур. И завидую вам.

– Почему? – растерялась Аня.

–

Часовня, где похоронен леонардо да Винчи. Замок Амбуаз. Франция.

– Потому что у вас это еще впереди, – сказал незнакомец серьезно. – А что касается «танков» и прочего – все это миф, не более того. «Опередил свое время» – какая чушь! Как можно опередить время? Можно быть на переднем крае своего времени, это да. Но опередить? Это абсурд. Каждая эпоха налагает определенные ограничения. Выше головы не прыгнешь – действовать можно лишь в пределах возможного.

– Но тогда что он там изобретал? Вы ведь сами сказали: «военные машины».

– Ах, это. Ну да, машины. Например, такую: две лошади тянут повозку, из которой торчат такие длинные серпы. Когда повозка катится, и колеса ее крутятся, серпы также вращаются – только в горизонтальной плоскости, и «подсекают» вражеских солдат, а заодно и своих, если неудачно подвернутся, обрубая им ноги или даже разрубая их туловища на части. В общем, такая шинковальня на колесах. Креатив, не правда ли?

Аня молчала, удивленная услышанным.

– Вы видели эти чертежи? – наконец спросила она.

– Конечно.

– Все чертежи Леонардо?

– Думаю, что все. Надо сказать, их очень много – куда больше, чем картин. Это и было его главным ремеслом и главным интересом. Кстати, он и во Флоренции тогда, в 1503-ем, картин уже почти не писал, а больше занимался своими инженерными проектами, например, он изобрел кремнево-колесцовый замок для ружей.

– Это как же? А Джоконда?

– Джоконда – это одно из немногих исключений.

– А эта картина? – спросила она, поворачиваясь к Мадонне.

«Мадонна в гроте» («Мадонна в скалах») Худ. Леонардо да Винчи 1-й вариант, Лувр, Париж.

Теперь вода у ног Мадонны отчетливо плескалась, ее поверхность была испещрена мелкими волнами, которые отбрасывали тусклые отблески. Скалы рельефно выступили, и все изображение внезапно обрело объем и глубину. Аня услышала тихое мелодичное журчание, и на нее пахнуло сырой свежестью. До нежной, покрытой легким пушком кожи Мадонны можно было дотронуться, стоило лишь протянуть руку. На какое-то мгновение Ане почудилось, что она там – среди скал, на берегу пруда. Словно издалека она услышала, как незнакомец переспросил ее:

– Вы про «Мадонну в гроте»?

Аня на пару секунд прикрыла глаза. Когда она вновь взглянула на картину, та, похоже, вновь выглядела, как обычно.

– Она называется так? – уточнила она, приходя в себя. – Здесь написано «в скалах». Или у меня проблемы с английским?

– Проблем нет, – он улыбнулся в усы. – Оба названия употребительны. Вижу, картина вас заинтересовала.

– Да. Я ее прежде никогда не видела.

– Ну, что ж... Картина была написана в 1485 году, кстати, в Милане, – по заказу францисканского мирского братства Сан-Франческо-Гранде – как центральная часть алтарной композиции, созданной совместно с братьями де Предис.

– Так он писал ее не один?

– Я же сказал – «центральная часть». Есть еще боковые крылья – с изображением музицирующих ангелов. Их-то и написали два брата-акробата.

– Почему акробата? – удивилась Аня.

– Да так, – улыбнулся собеседник. – Для рифмы.

Аня улыбнулась в ответ.

– Мадонну вы, конечно, узнали, – продолжал между тем он. – А младенцы... Тот, что справа – Христос. Его жест означает благословение. А тот, второй, который вас так заинтересовал, – это Иоанн Креститель, или, как говорят у вас, православных, Иоанн Предтеча; он преклонил колено и сложил руки в молитвенном жесте перед Иисусом. Наконец, юноша справа, в красном плаще, – это ангел.

– Без крыльев? – удивилась Аня.

– Какие крылья? Вы шутите! Все это глупости. Ангелы – существа *духовные*, их назначение – быть медиаторами, то есть посредниками; Они являются как бы каналом, который соеди-

няет «нижний мир» – мир людей – с трансцендентной, божественной сферой бытия. Причем тут крылья? Они что, самолеты? Я уж не говорю о том, что на таких крыльях, которые им по недомыслию пририсовывают, летать, так или иначе, невозможно. Разве что метафора... Но, надо признать, крайне неудачная, для *хой-полоев*.

– Для кого?

– Для плебеев.

– А вы, значит, аристократ?

– Я имею в виду плебеев духа. А я – ну что ж, – если хотите, да, я аристократ. В некотором роде. Что уж тут поделаешь?

В некотором роде? Что он имеет в виду? Что-то в словах незнакомца насторожило Аню....

– А эта вода, – продолжал он, – та, что сверху – что вас так удивила... Видите ли, в чем тут дело... Это *аллюзия*, то есть, грубо говоря, намек.

– Намек? На что?

– Этимология, – ответил незнакомец, – да и антропонимика тоже, были тогда в зачаточном состоянии. Настоящие значения корневых частей имен были тогда в большинстве случаев неизвестны, и потому господствовала так называемая «народная этимология». Впрочем, этого «добра» и сейчас еще в избытке: словно лингвистическая наука все это время стояла на месте, ничегошеньки не достигнув. Хотя, чему тут, собственно, удивляться? Невежество прямо-таки пещерное. И это, увы, нормально.

– Почему нормально? – изумилась Аня.

– Потому, – невесело усмехнулся собеседник, – что большинству граждан глубоко плевать на науку: мнения и суждения профессионалов, специалистов для них ничего не значат – они «сами с усами». Им кажется, что они и без специальных знаний замечательно все понимают. Как говорится, «не боги горшки обжигают». В самом деле: подумаешь – язык! Это же не астрофизика какая-нибудь. Там всякая математика, которую, как ни крути, знать надо. А тут – милое дело! Это же просто язык – родной, а не какой-то там иностранный: «Что ж, я свой родной язык не знаю, что ли? Было б о чем говорить?». Какая тут «наука»? Я бы, знаете ли, не удивился, если бы такой «знаток» название «Париж» производил от глагола «парить». Или «парить». Что тут сказать? Есть сферы, в которых всякий обыватель считает себя «экспертом» – например, политика. Причем, прослеживается четкая закономерность – чем меньше человек знает, тем более он уверен в своей правоте. Так вот, имя мадонны «Мария» по неведению производили от латинского слова *mare*, что значит «море», то есть «морская». Поэтому ее еще называли иносказательно *la vena di aqua bellissima*⁴ – «сосуд прекраснейшей воды». Все моря и реки как бы «впадают» в нее, она объемлет их все. Вот отсюда здесь и эта вода. На самом же деле это «Марина» значит именно «морская», а Мария – это имя древнееврейское и значит совсем другое. И, кстати...

Незнакомец посмотрел на Аню. Хотя, какой он теперь незнакомец? Странно как-то...

– Вы не находите, что пришло время представиться друг другу?

Да уж, пришло! Аня улыбнулась.

– Меня зовут Аня, – сказала она и протянула руку.

---

⁴ На ит. языке.

Он в первое мгновение, казалось, несколько удивился, но это быстро прошло.

– Ich erkenne altes gutes Deutschland. Toll!⁵ – он пожал руку Ани.

– Вы опередили меня, – добавил он, – хотя я значительно старше вас. Это противоречит этикету.

– К дьяволу этикет, – сказала Аня. – Неужели это так важно?

Он криво улыбнулся.

– Как вы сказали? К дьяволу? Славно! Что ж, к дьяволу, так к дьяволу. Окей! В таком случае меня называйте Сержем.

– Именно Сержем?

– Да. Именно так.

Чертики в его глазах заплясали зажигательный танец.

Герб Парижа

---

⁵ Узнаю старую добрую Германию. Отлично! (нем.).

ГЛАВА 2

«ПРИНЦ НА ЧЕРНОМ КОНЕ»

Аня с детства была симпатичной девочкой, а к старшим классам по-настоящему расцвела. Родственники ожидали, как тогда было модно, что она непременно подцепит какого-нибудь олигарха и таким образом решит свои, а заодно и их проблемы. Но самой ей было вовсе не до того: кроме учебы и театральной студии, ее интересовал только молодой человек из соседнего двора, который молчаливо часами слушал ее иногда серьезную, а иногда веселую болтовню и каждый вечер на прощанье нежно целовал ей руку, что казалось ей по-взрослому старомодным, но оставляло тайное ощущение, что она достойна быть принцессой.

Конечно, как и все, она мечтала о своем прекрасном принце. Но этот принц представлялся ей совсем не похожим на распальцованного бизнесмена с толстой золотой цепью или жесткого миллионера, вроде тех, что часто показывали в телесериалах а, скорее, таким человеком, с которым хотелось бы общаться. Посмотрев в глаза которому, она увидела бы не только интерес к ней, но и открытость к миру, который ей так хотелось узнать.

Аня была страшно любопытна, много читала и даже подружилась со школьной библиотечаршей Аллой Георгиевной, с которой всегда можно было обсудить прочитанное, а заодно и поговорить по душам. А в старших классах ей даже разрешалось брать «взрослые» книги, которые обычно школьники не читали, – из шкафа с надписью «зарубежная литература».

Своим подругам она любила рассказывать интересные эпизоды из прочитанного, делиться впечатлениями от книг и фильмов. В ее голове постоянно крутились вопросы, на которые она искала ответы.

И вот однажды, она пришла на свидание грустная, подавленная после ссоры с родителями, и у нее не было сил что-либо рассказывать. Они провели тихий, тоскливый вечер с односложными ответами «да» и «нет». И тут Аня поняла, что почти два года она разговаривала за двоих и что, кроме того, что у него есть мама, папа и брат, а также где он учится, она не знает о своем парне ровным счетом ничего. Он вдруг стал для нее человеком без внутреннего мира. Хотя, если судить по поступкам, по его бережному отношению к ней, то там, за душой что-то возвышенное было, однако словесно это никак не выражалось. Глядя на нее восхищенными глазами, он в то же время не давал ей ключ к своей душе. Она предприняла попытки открыть эту дверку, но затем с ужасом подумала: «А, может, там, за ней ничего и нет?».

Несколько месяцев спустя ее семья получила разрешение на въезд в Германию – Анин отец был из поволжских немцев. Когда-то его предки приехали в Россию из Бамберга по приглашению Екатерины Второй, и вот теперь появилась возможность вернуться на историческую родину.

В Германии у Ани появился друг, который ей нравился, и с которым можно было открыто поговорить, но Макс работал и еще учился, и им удавалось видеться только по выходным. Да и на Аню навалилось столько всего, что времени катастрофически не хватало. Успешно сдав абитур⁶ в гимназии, она поступила в Высшую школу Вормса⁷ на специальность «международная экономика». Учиться там было очень нелегко, к тому же еще и требовался хороший английский для подготовки презентаций и прочего, и ей пришлось дополнительно брать уроки английского для менеджеров. Но при Аниной памяти и способностях к языкам, дела шли неплохо, и ей удалось сдать все намеченные экзамены. Вот только для этого пришлось

---

⁶ В Германии – выпускные экзамены для поступления в ВУЗ.

⁷ Fachhochschule Worms, примерно соответствует институту.

напрячь все силы, так что накопилась страшнейшая усталость от учебы, заорганизованности, и постоянного общения со студентами и преподавателями. Поэтому, воспользовавшись каникулами, она решила отдохнуть от всего и всех и съездить в Париж, который с давних пор был ее мечтой и в котором ей, как она надеялась, и одной не будет скучно.

И вот тут этот неожиданный гид... Конечно, он много знает... и эта его манера говорить, старомодно-забавная... Но, похоже, он ни на шаг не отстает... А он – эlegantный...

А может, это ее принц? ...ага, на белом коне! Ну-ну... В Париже! Впрочем, на белом ли коне? «Уж, скорее, на черном, – подумала Аня, глядя на его темно-серый костюм. И почему у нее возникла такая ассоциация – черт его знает!

– Простите, что перебиваю ваши мысли, Аня, но вы позволите задать вам несколько вопросов? – спросил Серж.

– Кто же вам запретит?

– Так вы позволяете?

Надо же! Какая обходительность! А вдруг он и в самом деле принц по происхождению? Впрочем, скорее уж, мошенник, что, как она знала из рассказов знакомых, было очень даже возможно. Но об этом совсем не хотелось думать.

– Конечно, – ответила Аня со всей возможной непринужденностью.

– Тогда позвольте поинтересоваться, чем вы занимаетесь? Если, конечно, это не тайна Мадридского двора. Вы где-то работаете?

– Ну, что вы, какие тайны? Я не работаю – я учусь.

– Вот как? И что же вы изучаете?

– Международную экономику.

– О! Совсем неплохо. Право, неплохо. И как давно вы в Париже?

– Честно говоря, первый день. То есть, не совсем: я приехала вчера вечером. Но я так устала, что только немножко прогулялась по городу и легла спать, чтобы уж на следующий день...

– С утра пораньше отправиться в Лувр, – договорил за нее Серж. – Похвально. Интересуетесь искусством?

Аня замялась:

– Не так чтобы очень, но интересуюсь. И в Лувр я всегда хотела сходить.

– Ну да, ну да. Лувр – das ist ein Muss.⁸

Подкалывает? Однако лицо Сержа было непроницаемо.

– Хотели увидеть ЕЕ? – он кивнул в сторону Джоконды.

– Вам честно ответить? Хотя... Вам не очень-то соврешь, как я понимаю.

Серж слегка кивнул головой.

– Вы очень понятливая девушка, этого у вас не отнять, – сказал он. – Разочарованы?

– Джокондой? – переспросила Аня.

– Именно.

– Да, разочарована. По правде говоря, я ожидала чего-то большего.

---

⁸ Это – обязательно (нем.)

– Понимаю, – вновь кивнул Серж. – От нее все ждут чего-то большего. Типичный эффект обманутого ожидания. Что тут сказать? Это трудно, когда от тебя ждут больше, чем ты можешь дать. Тем более что она...

Серж решительно помотал головой.

– Но довольно о ней. И так слишком много чести. Лучше скажите, надолго ли вы в Лютецию?

– В Лютецию? – не поняла Аня.

– Лютецией назывался Париж – при римлянах. Я порой называю его так – слегка иронизируя, поскольку если к этому городу относиться совсем уж всерьез, то голова кругом пойдет. Так что это полезно – для профилактики.

– Похоже, вы правы – у меня она, кажется, уже идет кругом – на малой скорости.

Серж рассмеялся.

– Ну, вот видите, – сказал он. – Я прав. Впрочем, это случается со многими. Должно быть, воздух здесь какой-то особенный, кто знает?

– Очень может быть, – ответила Аня, подхватывая его тон.

Она почувствовала, как былая уверенность возвращается к ней.

– И вы приехали одна?

Ну, вот и стандартный вопрос!

– Да, я одна, ответила Аня. – Уж так сложилось, – добавила она и остановилась, не желая вдаваться в подробности.

Серж внимательно посмотрел на нее.

– Это не есть хорошо, – наконец произнес он, растягивая слова. – Париж – мало подходящее место для одиночества. Париж – это переживание такого рода, которое обязательно надо разделить с кем-то. Особенно, если вы в нем впервые. Вы ведь в Париже впервые, не так ли?

– Так.

– Лаконизм ваших ответов великолепен. Как известно, краткость – сестра таланта. Но все ж-таки сестра, а не мать родная, не забывайте об этом.

Аня рассмеялась. Остроумие и легкая, ненавязчивая манера Сержа пришлись ей по душе.

– Да, – сказала она. – Париж – это праздник, который всегда с тобой.

Она не помнила, где слышала или прочла эти слова, но сейчас, в этот момент, они показались ей удивительно точными, прямо «в десятку».

– *A Moveable Feast*⁹. Это верно. Старина Хэм знает, что говорит.

---

⁹ «Праздник, который всегда с тобой» – название романа Эрнеста Хемингуэя. (англ.)

Серж улыбнулся.

– Уж кому-кому, а Хемингуэю ли этого не знать? – добавил он.

Теперь Аня вспомнила: они читали эту книжку в гимназии, на занятиях по английскому.

– Он тут неплохо проводил время, – продолжал Серж. – Со своей первой женой.

– «С первой женой»? – переспросила Аня. – А сколько жен у него было?

– Я вижу, вы уже признали меня авторитетным специалистом по женам, – ворчливо заметил Серж. – Вроде... Как это у вас называется? А, вспомнил: загс. Так, кажется?

Аня рассмеялась вновь. Все-то он знает. Но теперь она уже была уверена, что он не русский. Хотя наверняка он бывал в России, и, видимо, не раз. Похоже, что он бывал везде...

– Но вы же сами себя так позиционировали, – сказала она.

– Позиционировал, ох и позиционировал! – посетовал он. – Впрочем, не вижу причин не удовлетворить ваше любопытство: жен у него было четыре.

– Ого! Вижу, он был силен по этой части.

– Он был силен по разным частям. Должен признать, что и по этой тоже – не без того. Но черт с ним, с нашим другом Эрнестом. У меня есть к вам деловое предложение. Но прежде позвольте полюбопытствовать: вы где остановились?

Все это, конечно, чудно, мило – но не слишком ли борзо?

– Я спрашиваю об этом только для того, – уточнил Серж, – чтобы знать, куда вас сопроводить вечером. Видите ли, я хочу пригласить вас в ресторан. По четвергам я всегда обедаю в одном и том же ресторане, естественно, когда оказываюсь в Париже – на этот день у меня там всегда зарезервирован столик... А сегодня у нас именно четверг, не так ли? Я сейчас как раз тоже один. Так не разделить ли нам этот «праздник, который... и все прочее» на сегодняшний вечер? Надеюсь, моя компания вам не претит?

Ох, ну и слова он выбирает! Ни в Анином окружении в Саратове, ни среди «русских» в Вормсе так не выражались.

– Не претит, – ответила она, улынувшись, и где-то глубоко-глубоко в груди словно что-то сладко заныло.

– Итак, вы принимаете мое приглашение?

– Принимаю, – сказала Аня, чувствуя, что все планы и расчеты летят к чертям. – Я остановилась в отеле «Рив Гош».¹⁰

– Чудно. Просто замечательно. Шестой округ, улица Святых Отцов – самый центр, в двух шагах отсюда. Правда, на том берегу.

– Да. Я когда заказывала отель по интернету, то заинтересовалась, что значит его название, и узнала, что по-французски это – «Левый Берег».

– Браво.

– И это, в самом деле, совсем рядом. Так что, как видите, мой утренний визит в Лувр не был таким уж подвигом.

---

¹⁰ Rive Gauche (фр.) – Левый берег.

– Ничего. Подвиги, может статься, еще впереди.

О чем это он? ... А интересно, в каком ресторане он обедает?

Еще утром, в отеле Аня раздумывала, не надеть ли ей кроссовки и джинсы. Сомнения были куда как серьезными: ведь предстояло практически весь день провести на ногах, и кроссовки, понятное дело, были куда удобнее. Но, в конце концов, она склонилась к тому, чтобы надеть что-то более приличное: музей совсем рядом, в десяти минутах ходьбы. Так что, если она устанет, то в любой момент сможет вернуться в номер и переодеться. Решение оказалось очень мудрым и, в принципе, она была готова теперь для любого ресторана. В этот момент на ней была голубая шелковая блузка без рукавов, полностью, до самых плеч открывающая ее красивые руки, и белая, облегающая ее стройную фигуру, юбка до колен. На шее – воздушный шарфик с переплетающимися бирюзовыми, сине-голубыми и белыми полосками, а на ногах изящные белые кожаные босоножки на невысоком каблучке. Может, ничего удивительного и не было в том, что Серж обратил на нее внимание? Стройная женственная блондинка среди туристок в джинсах и майках. А, может быть, что-то еще?

– Что ж, пойдем, – весело сказал Серж. – Полагаю, нам здесь делать больше нечего. Продолжим нашу беседу в месте, более подходящем для этого.

Они двинулись по коридору, но Аня на ходу продолжала рассматривать развешанные по стенам картины.

– Сколько же их здесь?! – подумала она.

– Да уж. Лувр – самое большое художественное собрание в мире, – сказал он, в очередной раз будто вторгнувшись в ее мысли.

– Как ему это удастся? – подумала Аня. – Неужели просто наблюдательность?

Между тем они уверенно, не останавливаясь, шли по залам, переходам, лестницам, вновь переходам. Серж ни разу не задумался, куда идти, без колебаний выбирая нужное направление.

– Вы ориентируетесь здесь, как у себя дома, – Аня не смогла удержаться от восхищения.

– Лучше, – поправил он. – Лучше, чем дома: хотя бы потому что дом, в котором я теперь живу, я купил совсем недавно. А в Лувре я впервые побывал... Впрочем, неважно – давно. Я знаю тут каждый угол, уж поверьте.

– Но он такой огромный! Да здесь черт ногу сломит.

Серж бросил на Аню быстрый взгляд.

– Ну, черт-то вряд ли, – заметил он после паузы. – Черти – вообще довольно ловкие ребята.

А с юмором у него все в порядке!

– Но вы правы – Лувр огромен. Это самое большое по площади здание в Париже. И, возможно, во всей Франции.

– Здесь ведь раньше жили короли, правда?

- Бывало, что жили.
- Что значит «бывало»?
- Не все короли и не всегда. Еще в начале 13 века, когда Филипп-Август¹¹ основал Лувр, тут был густой лес. Не правда ли, теперь в это трудно поверить?

Лувр и пирамида Пэя. Париж. Вид с площади Каррузель.

- Да, действительно.
- А теперь – «Город-светоч», «столица Европы»! Как летит время...
- Но ведь с 13 века прошло восемьсот лет. Это же с ума сойти, как долго!
- Вы думаете? ... Может быть.

Станный он. Как будто все время прикалывается. Обычно это раздражало Аню – она недолюбливала «приколистов». Но у Сержа это получалось как-то совсем по-другому – так, словно он говорит это абсолютно серьезно. Это было необычно. И это было даже интересно.

– И все же – подумать только! – вновь заговорил он. – Здесь, на месте этого роскошного дворца, всех этих астрономически дорогих отелей – была лесная чаща, и волки были тут по ночам.

– Это что, тоже исторический факт – что волки были? – съязвила Аня.

– Именно факт, – серьезно ответил Серж. – Видите ли, об этом свидетельствует само название «Лувр». Оно идет от слова *loup* – «волк», точнее, *louve* – «волчица». Так что слово «Лувр» значит, в переводе с французского, примерно «волчарня», или «волчье логово».

– Это очень интересно, – искренне произнесла Аня. – А французский – это ваш родной язык?

– Ну, можно сказать, так, – задумчиво ответил он.

Так он – не француз? Не француз, не русский. Кто же он тогда? Аня была заинтригована.

Тем временем, они спустились в накрытый стеклянной пирамидой подземный вестибюль, из которого вели проходы во все крылья этого огромного бывшего дворца французских королей. Ане приходилось слышать, да и читать в Интернете, много всякой, нередко весьма злой и порой даже отвязной критики по поводу этой пирамиды. Как там ее называли? Кажется, пирамида Вэя. Или Бэя? Что-то в этом роде. Впрочем, это не так уж важно. Но сама пирамида Ане понравилась сразу, еще вчера вечером, когда во время своей прогулки по городу она увидела ее – освещенную изнутри – впервые: впервые не на картинке, естественно. Сейчас, при свете дня, пирамида выглядела не хуже.

И чего они к ней все прицепились? – подумала она. Хотя, если вспомнить, к Эйфелевой башне в свое время тоже цеплялись, обзывали ее как-то, считали уродливой. А теперь –

---

¹¹ Филипп II Август, король Франции с 1165 по 1223 г., из династии Капетингов.

символ Парижа, самый посещаемый объект в мире: это Аня знала точно – делала реферат по туристическому бизнесу. Так и тут. Ну почему люди такие противные, зловредные? Никак на них не угодишь! А этот вестибюль, к тому же, очень удобен: из него все крылья дворца легко доступны. Разве это не благо для посетителей? И потом, здесь еще и сделали подземный переход, где разместились магазины – это очень разумно и дельно, ведь в Лувре каждый божий день пасутся просто несметные толпы народа. Почему же этим не воспользоваться? Такой коммерчески обусловленный подход стал для Ани обычным, и это хорошо: в конце концов, это ее будущая работа. Впрочем, сейчас у нее впервые прорезались сомнения в этом. Если...

– Думаете о пирамиде? – спросил Серж.

На этот раз Аня уже не вздрогнула. И, пожалуй, даже не удивилась – ведь ко всему привыкаешь, даже к тому, чего не понимаешь и к чему, казалось бы, невозможно привыкнуть. В конце концов, так ли уж необходимо это прояснять? Да ладно, – с нажимом сказала Аня себе, – все придет в свое время, если проявить терпение и выдержку. Жизнь в Германии, где все и всегда делалось убийственно медленно, уже приучила ее к этому.

– Да, – ответила Аня и хотела уже этим ограничиться, но, вспомнив «подколку» Сержа про лаконизм, добавила – По-моему, здесь все очень удобно сделано. А пирамида мне понравилась, и что все на нее «наезжают»?

– Ну, положим, не все. Например, я точно не «наезжаю», как вы выразились. По-моему тоже, это удобно и рационально. Но, главное, пирамида Пэя уже стала частью Парижа – неотъемлемой частью. Как Эйфелева Башня или Центр Помпиду. Париж принял их, это факт. Париж – вообще удивительный город: он каким-то непостижимым образом, как бы это сказать, – «инкорпорирует», то есть, включает в себя, самые порой неожиданные элементы. Если можно так выразиться, «опариживает» их, так что они «врастают» в его ткань.

Пирамида Лувра (Пирамида Пэя). Арх. Йо Мин Пэй.

Ну, точно! Пирамида Пэя! – вспомнила Аня. Вообще-то она никогда не жаловалась на плохую память – да и грех был бы. Но память и эрудиция Сержа поражали ее. Однако эта эрудиция не раздражала. Когда Аня училась в школе, у них в классе был такой всезнайка, прямо ходячая энциклопедия. Но он был ужасно занудный, от него просто зубы сводило. Везде вставлял свои «пять копеек», «просвещал» – и его не любили. Серж был другим, ненавязчи-

вым. И он рассказывал интересно, с юмором. Хотя, о чем речь? Какое тут может быть сравнение?! Смешно. Это было все равно, что сравнить бабочку с инфузорией.

Между тем, они поднялись наверх и вышли на улицу. Погода была просто великолепной: ярко светило солнце, на небе были видны лишь маленькие, легкие облачка. Аня вдохнула полной грудью воздух Парижа, и ею внезапно овладело чувство покоя и умиротворенности. Хотелось быть беспечной, выбросить из головы проблемы, сомнения – весь этот хлам. Хотелось просто *жить* – и наслаждаться жизнью. Может, это и есть то, что называют счастьем? В самом деле: она молода, привлекательна, она в Париже. И рядом с ней – развлекающий ее мужчина...

– И в какой же ресторан мы поедем? – спросила она.

– В какой ресторан? – переспросил Серж. – Вы еще спрашиваете? Разумеется, в самый лучший, как может быть иначе?

О да. Кто бы сомневался!

– А какой самый лучший?

– Лучший – это тот, в который хожу я, – заявил Серж тоном, не терпящим никаких возражений.

От него вдруг повеяло такой силой, что Ане захотелось зажмурить глаза.

Ах, вот мы какие! Ну-ну!

– Я не сомневаюсь, – сказала Аня. – Но все же?

Серж усмехнулся. Эта его усмешка... Аня чувствовала за ней что-то такое... Словно вдруг оказываешься на краю бездны, где нет никакого ограждения, никакой «страховки».

– В принципе, – начал он, сделав глубокий вдох, – в Париже нет какого-то одного определенно лучшего ресторана, да и не может быть. Об этом можно говорить в *обычном* городе, но не здесь. В Париже есть много *лучших ресторанов*. Но на мой вкус, и на данный конкретный случай – это, как я полагаю, ресторан Пале-Рояль. Точнее, le Grand Véfour. Думаю, это самое то. Уж тут вам придется мне довериться.

– Ну что ж. Доверюсь, – сказала Аня как можно более безразличным тоном, словно она была прожженной светской львицей, прошедшей огонь, воду и медные трубы, переплывшей океаны гламурных коктейлей и сбившейся со счета светских раутов в самом высшем обществе, на которых она побывала.

– Мы поедем прямо сейчас, – спросила она, – или мне стоит сначала заехать в отель и надеть что-то получше?

– О, это лишнее, – ответил Серж с улыбкой. – Вы и так одеты очень прилично и, должен заметить, с большим вкусом. И потом...

Он посмотрел на Аню пристальным, оценивающим взглядом, в котором, однако же, не было ни похоти, ни пошлости.

– Вы, Аня, – договорил он, глядя в ее большие светло-голубые глаза, – принадлежите к тому очень небольшому количеству женщин с очаровательной улыбкой, о которых можно сказать, что не одежда украшает их, а наоборот – они украшают собой любую одежду, пускай даже самую изысканную.

Аня почувствовала, как у нее пылают щеки. Ай- ай — ай, уже пошли комплименты... и, кажется, я на них покупаюсь...

Он взглянул на Анины скромные серебряные сережки и улыбнулся.

– Симпатичные серьги, – заметил он, – со вкусом. Но я полагаю, вы достойны большего.

Брови Ани удивленно поднялись.

– Откровенно говоря, вам более всего пошли бы бриллианты, но, пожалуй, не цветные, хотя они и бывают просто-таки *дьявольски* хороши. Вам, однако, гораздо лучше подошли бы камни бесцветные в тонкой оправе из белого золота. Не белые, а именно *бесцветные* – условно, чистой воды. Да, алмазы. Я полагаю, наиболее гармонировал бы с вашей внешностью, да и вашим *внутренним миром*, насколько я его ощущаю, гарнитур из колье (да-да, именно колье, а не ожерелья), серег и кольца с солитером – пожалуй, карат на восемь – в тонкой оправе из белого золота, а еще лучше – палладия или платины. И, пожалуй, не современный круглый бриллиант – все же это несколько банально, а вы слишком нестандартны, а какой-либо фантазийной или исторической огранки.

– Где-то я это уже видела? – подумалось Ане. – Выглядит изысканно...

– Кстати, Аня, какой ваш любимый камень?

– Честно говоря, еще несколько минут тому назад я бы хорошо подумала, стоит ли мне с вами быть в этом откровенной, – сдержанно начала она.

Серж посмотрел на нее с нескрываемым интересом: словно он открыл в Ане что-то новое, прежде им не замеченное. Его зрачки сузились, а взгляд будто «сканировал» ее. Но пока он хранил молчание.

– Но теперь, после того, что вы только что сказали, я поняла, что вы – не просто знаток камней, – да что там знаток – эксперт... Знаете, лет 10 назад мой дядя, а он ювелир, показал мне впервые настоящий бриллиант... Я не могу забыть его удивительный огонь, который мне иногда снится по ночам и даже... почему-то тревожит... – Аня перевела дыхание и улыбнулась, – Вы угадали. Да, мой любимый камень – именно алмаз. И я тоже предпочитаю бесцветные алмазы, может быть, с легким голубоватым «нацветом» – оттенков, близких к цвету талой воды или чистого озера, вроде Байкала...

– Честно говоря, не ожидал таких отнюдь не дилетантских суждений по этому вопросу от столь юного создания, тем более, девушки.

– Вы считаете, что женщины глупей? – холодно спросила Аня. – Или у них плохо развит вкус?

– Нет, никоим образом, – ответил он, полностью игнорируя ее ледяной тон, – могу сообщить вам, что я ничего подобного не считаю уже, по крайней мере, последние...

Серж резко «затормозил».

– Короче говоря, давно, – сказал он после паузы.

– Чертовски давно... – добавил он и усмехнулся. Глаза его при этом, как показалось Ане, блеснули, словно что-то подсветило их изнутри – такого ей никогда еще не доводилось видеть прежде. – Просто опыт подтверждает, а у меня, Анечка, опыт, *очень мягко говоря*, отнюдь не малый, что женщины в подавляющем большинстве весьма плохо чувствуют юве-

лирные камни, да и, как правило, не питают к ним подлинного интереса. Это факт, Аня. Для женщин, по крайней мере, в 9 случаях из 10, камни – это просто украшения, и только. Я бы сказал, элемент одежды и вообще, как в Москве говорят с некоторых пор, прикида. Не знаю, как вам, но мне это слово не нравится. Но в данном случае оно наиболее подходяще. Именно – прикид. В лучшем случае – аксессуар. Женщины не ценят камень как таковой. К этому они индифферентны – как это по-русски?

– Безразличны, – подсказала Аня, которую слова Сержа немало смутили, так как она чувствовала, что он во многом прав. Во многом, если не во всем. Если уж откровенно...

– Да, спасибо, – сказал Серж, – безразличны. Впрочем, женщины вообще страшно прагматичны – порой просто до отвращения. Увы, это так. А чтобы любить и ценить камень как таковой, чувствовать его характер, стиль, так сказать, эстетику, для этого нужно уметь абстрагироваться от прикладного, утилитарного подхода. С женщинами это случается редко. Единичные случаи. Вот скажите честно, Анечка, вы встречали хоть раз в своей не такой уж короткой жизни, скажем, женщину-коллекционера?

– Коллекционера чего?

– Чего угодно. В том числе и книг.

– Библиотека – это коллекция? – удивилась Аня.

– Несомненно! – с уверенностью подтвердил Серж. – Так вот: редкая, если не редчайшая женщина всерьез собирает книги. А уж тем более – монеты, консервные ножи или колоды карт для игры.

– Игральных карт, – автоматически поправила Аня.

Она чувствовала, что ей нечего возразить, а такое, надо признаться, с ней бывало нечасто.

– Да. Верно – игральных. Благодарю. Вы знаете, что я прав. Можете ничего не говорить. Поскольку и так все ясно. Я знаю лишь одну, впрочем, милейшую и исключительно приятную даму, которая собирает коллекцию кошек.

– Кошек? – переспросила Аня, не веря своим ушам, – коллекцию?

– О нет, не то, – расхохотался Серж, – конечно, не живых кошек, а фигурок, изображающих кошек. Но даже и это – строго говоря, не коллекция. Скорее, просто собрание статуэток и тому подобного, которое служит исключительно декоративным целям. Ну, пожалуй – в этом случае – еще и психологическим: для, как говорят французы, *антуража*. То есть, для атмосферы, а конкретно – для подъема настроения. И это «кошачье собрание» такую задачу реально выполняет. Так что и тут – прагматизм.

– А мужчины? – спросила Аня. Если она и чувствовала себя поначалу несколько задетой, то теперь ее обида полностью улетучилась.

– Мужчины – другое дело. Мужчина может ценить камень именно как таковой, без всякой связи с его возможным использованием, просто коллекционировать... И для него это может стать страстью. Да, настоящей страстью...

Серж замолк и задумался. По лицу его словно промелькнула тень.

ГЛАВА 3

«БУРГУНДЕЦ»

А.Д.¹² 1477: НАНСИ

Утро было морозным и сумрачным. Холод, казалось, пробирал до костей. Собиралась метель. Мрачные, укрытые снегом, обледенелые поля под свинцово-серым небом простирались, перемежаемые заплатами лесов, до самого горизонта. Городские стены видны были в отдалении, прямо впереди. К счастью, Нанси не успели сдать, хотя это могло случиться в любой момент: голод взял бы свое. И тогда... Страшно даже подумать, что могло бы произойти: скорее всего, город ждала такая же расправа, как Льеж или Динан. Сердце Симона сжалось: родной Динан, вырезанный Карлом Смелым под корень. Мать, изнасилованная и убитая бургундской солдатней. Карл разрушил два города только за то, что кто-то посмел усомниться в его законнорожденности, назвать его бастардом! Симон знал, что это не правда. Но какая разница? Ублюдок! Все равно он – ублюдок! Будь он хоть тысячу раз законнорожденным!

Разоренная Пикардия, сожженный Бове. Пятьсот пленных бернцев из гарнизона Грансона, которых этот выродок приказал перевешать и утопить в Невшательском озере. Перебитые до последнего человека жители Неля. Предательски захваченный в Перонне король Франции.

Но чаша переполнилась. Отец долго ждал: « – Мы здесь не для того, чтобы творить добро и наказывать преступников!» – Пусть так. Но мать! Мы не можем этого так оставить! – «Поверь, Симон, – сказал Отец тогда, – мы медленно запрягаем, но быстро едем. Время Карла скоро выйдет. Смотри – он всех обратил в своих врагов – они теперь окружили его со всех сторон: швейцарские кантоны, эльзасцы, герцог Рене. Да и император его не поддержит. Людовик XI, этот паук, сидит у себя в Плесси-ле-Тур и плетет вокруг Бургундца свою паутину. И она уже почти соткана – с нашей с тобой помощью». И Отец рассмеялся. Рассмеялся страшно, как всегда, и сердце Симона забилося в радостном предвкушении – Отец не бросает слов на ветер. «Ты ведь знаешь, каков из себя ад, не так ли? – добавил он, – Так вот: его ад не за горами». «Когда?» – спросил лишь Симон. «Скоро. Отправляйся к швейцарцам, если хочешь поучаствовать. Там будет интереснее всего. Вот увидишь». Хорошо. Отцу ли не знать?

О да, он зарвался, этот щенок португальской суки. Всему есть предел, и королем ему не бывать! Никакая артиллерия, никакие ордонансные роты его не спасут. Отец намекнул, что итальянские кондотьеры его сдадут. Продажные итальяшки! Но сейчас это хорошо! Это очень хорошо! И вот оно – пошло-поехало! Давно ли был тот разговор с Отцом, а уже – Грансон, Муртен: поражение за поражением. Артиллерия, обоз – все потеряно. Все, что он нагребил, в том числе в Льеже и Динане – все пошло прахом. Стало ему поперек горла. Но он все не успокоится, все бесится. Пускай! Он только сам себя вгоняет в гроб. Ярость застилает ему глаза. Он – не Смелый, он – Сумасшедший. И всегда таким был. Скажете тоже: Карл Смелый! Скажите лучше – Карл Бешеный.

---

¹² Anno Domini (лат.) – лето Господне (т. е. Год).

Герцог Бургундии Карл Смелый. Худ. Роже (Рогир) ван дер Вейден. На груди герцога – знак Ордена Золотого Руна.

– Я отправлюсь к швейцарцам, – ответил Отцу Симон, – я сделаю все, как Ты сказал. И я лично засуну этот его «Орден Золотого Руна», а лучше сказать, «Орден Горячего Рожна» прямоком ему в задницу!

– Хорошо! Не забудь передать привет от меня. – И Отец вновь расхохотался.

Какой же все-таки страшно холодный январь в этом году! От дыхания изо рта клубился густой пар. Да, крещенские морозы! Руки в железных перчатках почти что превратились в ледышки. Это даже ему, Симону-то нелегко, а им всем каково?! Они шли уже долго – алебардисты, арбалетчики, лучшие в Европе швейцарские пикинеры и знаменитые английские лучники со своими длинными луками. Лица их были сумрачны, сосредоточены – швейцарцы не простили Карлу подлого убийства своих сотоварищей. Швейцарцы, гордые граждане свободных кантонов, шли в бой, исполненные мрачной уверенности. И герцог Рене, похоже, тоже настроен решительно. Лотарингцы, швейцарцы, эльзасцы – мы все вместе. День настал – часы Бургундии, этого волка на границах Франции, сочтены. Да свершится ее судьба!

Однако же, Карл, надо отдать ему должное, расположился умно: точно между лесом и Мертой¹³. Короткая, удобная для обороны позиция, фланги которой упираются с одной стороны в лес, с другой – в реку. С фронта, к тому же, ее прикрывает ручей, а отчасти и живая изгородь. Удержать такую позицию, пускай даже против вдвое превосходящего врага, вполне возможно, тем более что у бургундцев лучше артиллерия. Но, впрочем, от артиллерии здесь мало толку, и Карл не знает главного! Он ждет лобовой атаки – тем лучше. Сегодня на совете у герцога Рене было принято важное и совершенно правильное решение: имитируя фронтальную атаку, в действительности бросить главные силы в обход бургундских флангов. Пусть далеко – не беда! Порой долгая дорога оказывается кратчайшим путем к победе. А погода нам поможет: начинающаяся метель скроет наши передвижения.

---

¹³ Название реки, на которой стоит Нанси.

***

У Симона не выходил из головы последний, уже совсем недавний разговор с Отцом.

– Я знаю, Симон, что ты по-прежнему равнодушен к красивым камням – начал Отец, – особенно к алмазам. Пожалуй, даже не будет преувеличением сказать, что ты увлекаешься ими все больше и больше.

Симон разволновался – эта тема никогда не оставляла его равнодушным. К чему ведет Отец?

– Да, это так, – ответил он, – Алмазы – это самое красивое из всего, что есть в этом мире.

– Даже красивее женщин? – Отец смотрел на него со своим непередаваемым сарказмом. – Ты ведь сам говорил, что Женщина – это единственное, что Он создал приличного – под занавес.

– Да – когда, сотворив мир, Он увидел и осознал, что начисто запорол работу, Он создал Женщину, чтобы в созданном Им мире можно было как-то жить. И это Его хотя бы немного извиняет. Все верно. Но я тогда еще ничего не знал про алмазы.

– Они – лучше, чем женщины?

Опять Отец провоцирует.

– Так ли уж необходимо их противопоставлять? – риторически спросил Симон, – Помоему, одно не мешает другому.

– Ты юн, – усмехнулся Отец, – не спорь – это факт, а с фактами спорят только идиоты. Ты говоришь: одно не мешает другому. Я не соглашусь с тобой – одно *мешает* другому, хотя бы потому, что и то, и другое – это страсть. А страсти с трудом уживаются между собой: они имеют обыкновение захватывать душу целиком, без остатка. Страсти *жадны*, Симон, страшно жадны.

Отец пристально посмотрел на него.

– Хотя кто знает? – сказал он, – может быть, *тебе* это и удастся. Ты вообще у меня *способный*. Впрочем, в любом случае, тебе решать.

Отец немного помолчал.

– Ты помнишь, я рассказывал тебе, что в Европе никто по-настоящему крупных алмазов никогда в глаза не видел?

– Да, конечно. Ты еще сказал тогда, что все те камни, о которых писал Плиний, это все – ерунда, пыль. И то, что видел я, – это мелочевка. И что настоящие камни есть в Индии, а в Европе их нет.

Отец кивнул.

– Да, – подтвердил он, – но сейчас это уже не совсем так.

Симон удивленно посмотрел Отцу в глаза. Он почувствовал сильнейшее волнение.

– Ты хочешь сказать...

– Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать, – возразил Отец, – Ты никак не оставишь эту привычку к многословию.

– О да, – улыбнулся Симон, – я люблю слова. Это – моя стихия.

– Пусть так, – устало согласился Отец, – но избавь от лишних слов хотя бы меня. Ты знаешь, что мне не жалко времени на тебя, но ты также знаешь, как его у меня мало.

– Хорошо. Что это за камень и где он?

- Тебя это удивит.
- Он у *Карла*?! – изумленно спросил Симон.
- Он хранит его в особой шкатулке, рядом с жемчужиной, которую все эти глупцы считают главной ценностью.
- Почему? – удивился Симон.
- А ты сам не догадываешься?
- То есть, – сообразил Симон, – камень настолько велик, что никто не верит, что это – алмаз, и думают, что это – что-то проще?
- Да, – кивнул Отец, – или даже, что это – вообще стекляшка.
- Он такой крупный?
- 139 ½ флорентийских каратов.
- Да он же просто огромный!
- Да, он большой – по-настоящему большой. Грушевидной формы. Огранен в форме двойной индийской розы.
- То есть, грани нанесены с обеих сторон?
- Именно так – причем, всего их 126.
- 126 граней?! Ничего себе! И как он называется?
- Его название вряд ли тебе понравится – «Бургундец».
- Это ничего, – сквозь зубы ответил Симон, – без разницы. Его гранили в Индии?
- О нет – в Бургундии.
- Что?! У этого ублюдка?
- Этот ублюдок совсем не глуп, ты не находишь? У него был придворный ювелир – Робер де Беркем, который еще 23 года тому назад впервые в Европе огранил алмаз. Такого ювелира не было ни у короля Франции, ни у императора.
- И где же он сейчас?
- Он умер.
- Он оставил учеников?
- Достойных учителя – нет.
- Значит, плохой учитель.
- Значит, так. И вот еще что: камень желтый. Роскошного лимонного цвета.
- Но ведь это такая редкость! Это просто уникам! Ему нет цены. Спасибо, Отец. Этот камень будет моим. Он обязательно будет моим.
- Ты еще добавь «Черт возьми!» – рассмеялся Отец.

***

И вот сейчас мысль о том, что камень находится где-то здесь, совсем недалеко, не давала покоя Симону, возвращаясь вновь и вновь. Да, Отец прав – это страсть, настоящая страсть. Что ж, значит, так тому и быть...

Между тем, поднялся ветер, начала мести поземка. С небес посыпалась снежная крупа. Баталия¹⁴, в которой алебардистом состоял Симон, остановилась. Фланги продолжали движение и скоро ушли далеко вперед: обходный маневр, задуманный герцогом Рене, начался. А у них, у алебардистов и пикинеров, своя задача – удерживать центр позиции, не дать рыцарской коннице бургундцев прорваться и разрезать боевой порядок союзников.

---

¹⁴ Так называлось подразделение.

Рыцарская конница – главная ударная сила Карла Смелого, это отборные, к тому же отлично вооруженные и экипированные воины в тяжелых доспехах. Выдержать их удар нелегко, а то, что конница ударит в центре, ни у кого не вызывало сомнения.

Но пробить плотный боевой порядок швейцарской пехоты им не по зубам, – уверен был Симон. Он и его товарищи начали строиться в каре: воины-алебардисты в полной боевой экипировке – в первых рядах, среди них и Симон, остальные – в середине построения и в тылах. Отряды конных арбалетчиков прикрыли фланги. Затем свои позиции заняли лучники, пешие арбалетчики и аркебузиры со своими длинными фитильными ружьями-аркебузами. Это была основная огневая сила союзников. Главное, чтобы алебардисты и пикинеры выдержали первый натиск рыцарей, а там уж лучники, арбалетчики и аркебузиры уничтожат их.

Они стояли уже долго – солнце, а точнее, бледное, размытое пятно, в которое оно превратилось, основательно продвинулось по небу. Прошло не меньше двух часов. Вестей с ушедших в обход флангов пока не было. Напряжение достигло предела. Решающий момент приближался. Наконец, вдоль строя пехоты проскакали несколько конных арбалетчиков. Они направились к тому месту, где стяг Лотарингии указывал на местонахождение герцога Рене: то были гонцы с флангов. Вскоре прошел ропот: вести хорошие – не ожидавшие атаки сразу с двух сторон, бургундцы были застигнуты врасплох и смяты. И тогда Карл Смелый приказал протрубить атаку рыцарской конницы, которая стремительно приближалась к неподвижно застывшим швейцарским и лотарингским пехотинцам, стоявшим в своих каре в центре. Вестовые, чуть не загнавшие своих лошадей, еле успели доскакать до них и предупредить о приближении бургундских рыцарей.

Впрочем, скоро все стало ясно и без того: вначале послышался глухой, мощный топот множества лошадей, который все нарастал. Земля тряслась. Затем послышались крики атакующих – их боевой клич, хрип лошадей, звон оружия. И, наконец, рыцари появились в поле зрения: устрашающая сплошная линия закованных в тяжелые доспехи – «белую сбрую»¹⁵ – рыцарей-жандармов¹⁶, восседающих на могучих конях, лбы которых также прикрывали пластины брони – шанфрье. Где-то в этих закованных в броню рядах скакал и Карл Смелый. Рыцари были вооружены копьями и мечами. На поясе с правой стороны у них болтались булавы, слева – обоюдоострые кинжалы. За тяжеловооруженными рыцарями, скакавшими в первых шеренгах, следовали кутилье-оруженосцы, на лошадях без защитных лобных пластин, но в надежных, хотя и более легких доспехах – «бригантинах», застегивающихся на боках, а также кольчатых кольчужных юбках, наручах и железных перчатках. Кутилье были вооружены дротиками и полу-копьями с рукоятью и упором, а также «средними» мечами. Кутилье подстраховывали тяжеловооруженных рыцарей, в случае необходимости или затруднения немедленно приходя им на подмогу. Наконец, в задних рядах атакующих скакали конные арбалетчики, которые в момент начала сближения с противником давали залп из арбалетов, стреляя в промежутки между своими рыцарями.

– Что ни говори, а войско у этого сукиного сына организовано превосходно! – подумал Симон. – Даже заклятому врагу нужно уметь отдать должное. Что ж, тем больше чести одержать над ним победу! А в победе Симон не сомневался. Он почувствовал, как все его тело – буквально каждая мышца, каждое сухожилие задрожали – нет, не от страха, а от возбуждения, от нарастающей ярости. Он крепко сжал правой рукой древко алебарды.

Стремительно надвигавшаяся на них лавина голосила почище, чем стадо овец, которое гонят на водопой – рыцари и их оруженосцы «взвинчивали» себя перед боевым столкновением. Швейцарцы же, среди которых стоял Симон, молчали, не шелохнувшись. Но внезапно послы-

¹⁵ «Белой сбруей» называли полный тяжелый доспех готического типа.

¹⁶ 86 Тяжеловооруженные рыцари, букв. «люди в латах и с оружием», от фр. gens d'armes.

шался резкий и короткий выкрик – Симон и его товарищи разом – одним согласованным движением – подняли щиты: швейцарская пехота тоже не лыком шита. Это было сделано на редкость вовремя: буквально в следующий миг на них обрушился смертоносный град коротких стальных стрел – бургундские конные арбалетчики дали свой залп. В щит Симона воткнулось сразу две стрелы: удар был настолько силен, что Симон покачнулся. Если бы он не успел прикрыться надежным, окованным жестью дубовым щитом, стрелы наверняка пробили бы его доспех – менее мощный, чем у бургундских «gens d'armes».

Бургундский рыцарь

Но уже в следующее мгновение на наступающих посыпался град стрел – коротких стальных арбалетных и длинных лучных: союзники дали ответный залп. Несколько всадников упали. Но остановить разогнавшуюся могучую лавину рыцарей это, конечно, не могло, и она на всем скаку врезалась в каре алебардистов и пикинеров. Удар был страшным – послышался треск ломающихся копий и лопнувших щитов, звонкий – вразнобой – удар металла о металл, глухой звук падающих тел, конское ржание. Симон успел выставить свою алебарду. Над ним навис бургундский рыцарь – безлицый, в устрашающем шлеме: он с поразительной, удивившей Симона быстротой и силой нанес резкий удар вниз – Симон принял его на алебарду, а уже через мгновение рыцарь ударил снова – и на этот раз Симон опять успел прикрыться – теперь уже щитом. Опушенный с чудовищной силой полуторный меч¹⁷ врубился в щит Симона. Его резко качнуло. Щит затрещал. Откуда-то слева, где стоял его товарищ, прямо на щеку Симону брызнул горячий фонтан крови и раздался крик. Поворачивать голову было некогда – это было бы

¹⁷ Полуторным назывался меч с рукоятью короче, чем у двуручного, но длиннее, чем у ординарного. То же можно отнести к длине и весу такого меча.

смертельно, но Симон и так понял, что спокойного, уверенного в себе великана – Жана из Невшателя – больше нет в живых. Симон вспотел – от всего сразу: от страха, физического напряжения, но более всего от ярости – он сам был поражен силой клокотавшего в нем бешенства. На какой-то миг перед глазами словно все побелело. Что произошло дальше, он не успел даже толком сообразить.

Он понял только одно: тот, кто был в нем заключен, *тот* – от Отца – проснулся, наконец, окончательно и добавил ему необыкновенной мощи. Симон, коротко отведя алебарду слегка назад, резко и сильно выбросил ее вперед и вверх. Удар был ужасающим: превосходная немецкая алебарда, выкованная лучшими в Европе аугсбургскими оружейниками, пробил щит рыцаря, затем его «белый доспех» и до самой «шпоры» вошла в его тело. Раздался жуткий крик, а вслед за тем фонтан ярко-алой крови ударил из бургундца. Наконец, он кулем свалился с коня, едва не сбив Симона с ног. Симон издал победный вопль – совсем, как дикарь, и изготовился к новому столкновению. Перед глазами его встала багрово-красная пелена, сердце оглушительно стучало. Все словно слилось в одно: крики раненых и умирающих, победные вопли, хруст ломаемых костей, шмяканье тел оземь, неистовое конское ржание, запах пота, лошадиного навоза, пороха (Симон слышал, как затарахтели выстрелы аркебуз). Но все перекрыла невыносимая вонь крови – большого количества крови. Разрази гром! Откуда в людях столько кровищи?! Кто бы мог подумать!

Арбалет

Адская рубка продолжалась с полчаса или больше. Лавина бургундских рыцарей заметно поредела, но ее напор был настолько мощным, что лотарингская пехота герцога Рене не выдержала и стала медленно, упорно отбиваясь, отступать. Еще немного – казалось, всего лишь одно маленькое усилие – и конница Карла Смелого разрубит центр позиции союзников, разрежет их войско пополам. И тогда – конец, гибель, катастрофа. Тогда – никакие фланговые успехи, сколь бы весомы они ни были, уже ничего не значили бы. Бургундцы были близки к тому, чтобы склонить чаши весов в свою сторону. Лотарингцы продолжали пятиться.

Но швейцарцы, занимавшие самый центр позиции союзников, не дрогнули. Они не сдвинулись даже на один туаз¹⁸. Смыкая ряды после гибели своих товарищей, они вновь и вновь отбивали яростные, отчаянные атаки бургундских рыцарей. Они буквально стояли стальной, непробиваемой стеной. И атака бургундцев стала захлебываться, не будучи в силах сломить невозмутимое мужество альпийцев. Швейцарские кантоны могли гордиться своими солдатами: теперь каждому было понятно, что швейцарская пехота – действительно лучшая в Европе. Напор рыцарей ослабел, и вот уже лотарингцы герцога Рене, воспрянув духом, сме-

---

¹⁸ Один туаз составляет примерно 2 метра.

нили попятное движение на поступательное. Среди бургундских рыцарей началось замешательство. И тогда, наконец, с трех сторон на них обрушился град стрел и пуль лучников, арбалетчиков и аркебузирова союзников. Через несколько минут все было кончено.

Швейцарцы рванулись вперед, впервые за все сражение сдвинувшись с места, и стали быстро продвигаться, орудуя пиками и алебардами направо и налево, стаскивая и сбрасывая рыцарей и их кутилье с лошадей и докалывая их. Над полем боя взвился красный флаг с белым крестом – флаг Швейцарии, а вслед за ним – золотое знамя Лотарингии с червленой перевязью и тремя серебряными алерионами¹⁹ на ней.

Флаг Лотарингии

Флаг Швейцарии

Началась безжалостная резня. Швейцарцы отыгрывались за все: за предательски перебитый гарнизон Грансона, за сожженные города и вырезанные деревни, за только что павших в битве товарищей. Лотарингцы не отставали от них. Трупы лежали внавалку, все было залито, забрызгано, замызгано кровью – она только что вытекла из тел и не успела еще остыть, и потому слегка дымилась. Ее сладковатый, омерзительный запах пронизывал все вокруг.

Симону тоже было, за кого мстить – швейцарцы знали об этом. Он вспомнил мать – долгие месяцы он не смел представить себе ее лицо, не позволял себе мысленно обращаться к ней: пока она оставалась неотмщенной. Но теперь он словно видел ее перед собою: она смотрела на него спокойным, умиротворенным взглядом. Он слышал ее голос: – Симон, ты опять про-

---

¹⁹ Алерiony – геральдическое изображение: орел без клюва и когтей.

сидел до утра за книгами! Ну, что с тобой делать? Ты скоро будешь знать больше, чем весь Парижский университет! – она потрепала его по голове и засмеялась – звонко, как ручеек. Мать! Мама...

Динан уже успели частично отстроить. Симон побывал там, но он не мог прийти на могилу матери – у нее не было отдельной могилы: убитых бургундцами было так много, что их хоронили во рву, как чумных. – Я должен найти этого мерзавца Карла Смелого! – сказал себе Симон, – я должен воткнуть в него алебарду, пускай даже в мертвого! И забрать его камень – дохлому псу алмаз без надобности.

Внезапно рука в тяжелой железной перчатке с силой опустилась ему на плечо, он обернулся:

– Симон из Геннегау, – прогремел бас Жерома из Берна – душа моя радуется, видя тебя живым!

Жером, с ног до головы забрызганный кровью, с наскоро перевязанной раной в правом боку, улыбался во весь рот. Симон подумал, что, должно быть, и сам он выглядит не лучше.

– Я не меньше рад видеть тебя, плут! – улыбнулся Симон. – Что у тебя тут? – Симон показал на правый бок Жерома.

– Небольшой подарок из Бургундии, – зароготал тот, – Но я не остался неблагодарным, уж поверь.

– Ни капли не сомневаюсь, – ответил Симон. – Копье? – уточнил он.

– Да ерунда, – отмахнулся Жером, – заживет с Божьей помощью. – А ты, я вижу, целехонек!

Симон осмотрел себя – до сего момента это ему даже в голову не приходило. Похоже, и в самом деле, невредим.

– Как будто да, – ответил он.

– В рубашке родился! Счастливчик!

– О Жане из Невшателя этого, увы, не скажешь, – грустно заметил Симон.

Жером помрачнел.

– Я знаю, – сказал он, – видел своими глазами. Но мы за него славно отомстили. Бургундия теперь не скоро поднимется.

– Бургундия теперь не поднимется никогда, – с уверенностью произнес Симон, – ей конец. И туда ей дорога. А кантонам жить! Сегодня они сумели отлично постоять за себя. Для меня было честью рубиться среди швейцарцев.

– Для любого швейцарца было не меньшей честью драться сегодня бок о бок с тобой, – возразил Жером, – Теми же самыми глазами, которыми я видел славную смерть Жана из Невшателя, я видел и кое-что еще.

Он показал на свои глаза.

– Что ты видел?

– Я видел, как ты проткнул алебардой того бургундского рыцаря в «белом доспехе». Клянусь Богоматерью, если б я этого не видел своими глазами, то ни в жизнь бы не поверил. Никогда не думал, что такое возможно. Как ты это сделал?

– По правде говоря, не знаю, – ответил Симон, – Помню только, что когда на меня хлынула кровь Жана, я словно взбесился. Меня просто разрывало от ярости.

Алебарды

Жером задумчиво кивнул.

– Это я понимаю, – сказал он. – И все же, это похоже на чудо. Конечно, в Аугсбурге умеют делать оружие – этого не отнять, но чтобы алебарда пробила разом и дубовый щит, окованный жестью, и панцирь, да после того еще и проткнула человека по самую «шпору»...

Он покачал головой.

– Не иначе, чудо, – заключил он, – Сам Бог направил твою руку.

– Что ж, – с кривой усмешкой согласился Симон, – может, и Бог. А, может, и черт...

***

Отделаться от Жерома оказалось нелегко. Симон просто не знал, что делать, пока, наконец, не сообразил сказать тому, что хочет помолиться за душу убиенной бургундцами матери. И тогда Жером без единого слова возражения оставил Симона одного, взяв, однако, с него обещание присоединиться после вечерни к товарищам из «баталии» в харчевне «Жареный гусь» в Нанси.

После того, как Жером оставил его, Симон начал систематически обходить поле боя в поисках трупа Карла Смелого. Прежде всего, следовало убедиться, что он мертв, в чем у Симона пока что не было никакой уверенности. Что, если тому удалось спастись? Хотя это было маловероятно – уж слишком яростной была резня.

Основная трудность заключалась в том, что убитые валялись друг на друге, и для того, чтобы их осмотреть и опознать, требовалось буквально разбирать завалы из трупов. К тому же, следовало спешить: Симона могли опередить. По полю уже рыскали группы мародеров. Симон старался не думать о том, что и он сам тоже – самый настоящий мародер. Он говорил себе: «Я только хочу найти камень и забрать его. Больше мне ничего не нужно». Но, разумеется, это был самообман – мародерство оставалось мародерством. Он убеждал себя, что главное, чего он хочет, – это удостовериться в смерти Карла Смелого, в том, что отмщение свершилось. Но камень, описанный Отцом, все время стоял у него перед глазами. Да, все верно: *страсть жадна*.

На труп Карла он наткнулся совершенно неожиданно. Это могло показаться странным, но в тот момент Симон меньше всего думал о цели своих поисков: он вновь и вновь «прокручивал» в памяти тот эпизод, когда он проткнул бургундца алебардой. Он совершенно отчетливо, словно наяву, видел, как алебарда «прошивает» мощный дубовый щит, как летят во все стороны щепки, как острие алебарды, почти не замедлив темпа, точно оно прошло не сквозь щит, а через соломенную циновку, продолжает свое движение. Как оно касается стального доспеха рыцаря, как *пробивает* его. Как входит в тело всадника. И только войдя в него по самую «шпору», алебарда останавливается, словно впервые встретив сопротивление. Правда состояла в том, что Симон сам испугался своих возможностей: выходит, он может *все*? Ну, почти все... «Сам Бог направил твою руку» – сказал Жером. Бог? Как бы не так...

Карл Смелый лежал навзничь, лицом вверх, так что его не понадобилось переворачивать. Правда, пришлось сбросить с него несколько трупов: драка здесь была отчаянная. Оруженосцы защищали герцога до последнего, и полегли все. Что ж, то были бургундцы, а не итальянские наемники, насчет которых Отец оказался прав – впрочем, как всегда: Кампобассо предал Карла, перейдя на сторону союзников.

Сам Карл получил множество ударов копьем – его живот был проткнут сразу в нескольких местах. Голова была расколота ударом алебарды. Застывшие карие глаза смотрели в серое январское небо. На груди его красовался орден Золотого Руна – Симон его не тронул. – Ну, вот и все, – подумал он, – *Sic transit gloria mundi*²⁰. Карл Смелый отбесился. И свое получил.

– Катись в ад! – воскликнул Симон, – Отец передает тебе привет – он тебя уже заждался, – и с этими словами с размаху воткнул свою алебарду Карлу в грудь.

Затем он опустился возле трупа на колени и стал быстро, но без суеты обыскивать его. Однако камня на нем не было. – Лошадь! – внезапно вспыхнуло в мозгу Симона, – ну, конечно! Симон отчаянно надеялся, что она тоже убита. А что, если она ускакала? Что тогда?

Но, к счастью, этого не случилось – Симон нашел труп коня Карла Смелого: узнать его оказалось не трудно, поскольку на сбруе красовался герб герцогов Бургундских. В одной из чересседельных сумок он нащупал продолговатый прямоугольный предмет: вытащив его на свет, Симон убедился, что это – красиво расписанная металлическая шкатулка. Она оказалась заперта, но это не было проблемой: Симон легко вскрыл ее своим, покрытым запекшейся кровью, ножом.

Великолепный лимонно-желтый алмаз, ограненный индийской розой, лежал – рядом с крупной жемчужиной – на шелковой подстилке. Красота камня поразила Симона – ничего подобного прежде видеть ему не приходилось. Да, действительно, все прочие камни рядом с этим – пыль.

– Спасибо, Отец, – прошептал Симон, – Теперь он мой. Мой первый по-настоящему крупный алмаз. И теперь он мой навсегда!

---

²⁰ Так проходит слава мирская. (лат.).

Герб Геннегау (Эно)

ГЛАВА 4 «КРОВЬ И ПОЗОЛОТА»

Серж посмотрел на Аню, глаза его прояснились.

– Собственно, я хотел сказать, – вернулся он к своему обычному легкому тону, – что вы и драгоценности могли бы украсить собой. В самых разных сочетаниях. Как писал ваш русский поэт, «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша».²¹

Кто этот русский поэт, Аня не помнила, хотя слова эти, конечно же, слышала. Наверное, Пушкин. Как здорово Серж знает русскую поэзию! Впрочем, это уже казалось Ане естественным и нисколько не удивляло.

– И, кстати, в ресторан мы не поедem, – сказал Серж, – а пойдем пешком.
– Пешком? – поразилаcь Аня.
– Именно, – подтвердил Серж.

Аня была шокирована.

Он что, шутит? Опасения, что она имеет дело с мошенником, «ловцом» романтических дурочек, вспыхнули с новой силой.

– Успокойтесь, – прервал ее мечущиеся размышления Серж. – Надеюсь, вам не пришла в голову мысль, что у меня нет машины?

– Неужели я что-то сказала не так? – подумала Аня.

– Не волнуйтесь, – вновь произнес он. – Вы не совершили никакого faux pas.
– ?
– Ложного шага, – перевел он.

Такое ощущение, что он свободно копается в ее мыслях, как в своих карманах.

– Знаете, у нас, пожалуй, есть еще... – он посмотрел на часы, – час, или даже больше.

В тот момент, когда Серж выпростал запястье из рукава, его часы как-то удивительно засверкали в ярком солнечном свете. Корпус – явно из розового золота, а цифры на циферблате и кончики стрелок, так же, как и колесико для подзавода... Сердце Ани замерло: это был тот самый завораживающий огонь, который могут давать только бриллианты. Дядя Гера когда-то показывал ей разные камни, в том числе бриллианты, и сейчас она вспомнила, как он учил ее распознавать настоящие от поддельных. Неужели это может быть, и она не ошибается?

Эх, дядя Гера! Если б он увидел сейчас эти часы! Впрочем, лучше не надо – у дяди Геры, недавно начались, к большому Анинуму огорчению, проблемы с сердцем. Если бы он

---

²¹ Из поэмы «Душенька» русского поэта Ипполита Федоровича Богдановича

это увидел, ему могло бы стать плохо: здесь алмазов, пожалуй, карат на 30 – кружок в центре циферблата, похоже, тоже бриллиантовый! Во рту у нее пересохло.

– Может, вы и на метро ездите? – спросила она, героическим усилием воли придав своему голосу оттенок вялого интереса, словно она задала этот вопрос просто из вежливости, чтобы поддержать разговор.

Серж внимательно посмотрел на нее.

– Бывает, – наконец ответил он.

– Зачем?

– Это необходимо делать. Время от времени.

– Вы прямо, как тот халиф из «Тысячи и одной ночи», не помню уже, как его звали, который, переодевшись, отправлялся бродить по городу, чтобы узнать, что думают его подданные.

– Харун ар-Рашид, – сказал Серж, – Его звали Харун ар-Рашид, что значит Харун Справедливый.

– Вы и арабский знаете?

– Есть такой грех.

– А что значит «Харун»?

– Это просто имя. От еврейского Аарон. Ар-Рашид – то есть «Справедливый» – это было его прозвище. Вам нравятся сказки «Тысячи и одной ночи»?

– Да, – призналась Аня.

Она вспомнила, как дядя Гера и его жена, тетя Таня, подарили ей книжку «Тысяча и одна ночь», с роскошными иллюстрациями, на день рождения. Ей тогда исполнилось 11 лет. Эта книжка стала на несколько лет ее любимым чтением. Особенно нравились ей «Путешествия Синдбада-морехода». Она даже забрала книжку с собой, уезжая в Германию, и теперь она стояла на почетном месте, на полке у нее в комнате в Вормсе.

– Рад это слышать, – улыбнулся Серж, – потому что я тоже очень люблю их.

Аня почувствовала, что только что произошло что-то важное, словно какой-то мостик протянулся между ними.

– С детства? – спросила она.

Серж задумался и как-то странно посмотрел на нее.

– С детства? – глухо переспросил он.

Аня заметила, что переспрашивать – это характерная манера Сержа. Словно он выигрывает время для ответа. Но здесь-то о чем размышлять?

– Да, пожалуй, – наконец ответил он.

– Ладно, – сказал он совершенно другим тоном. – Вечер воспоминаний объявляется закрытым. Пришло время сообщить вам страшную тайну: ресторан, в который мы направляемся, находится на другой стороне улицы Риволи, каковую вы видите прямо перед собой.

И он широким жестом указал вправо. Аня расхохоталась. Пусть немного истерически, пусть. Главное, ее, наконец, отпустило напряжение, и легкость, та самая легкость, которой она так наслаждалась совсем еще недавно, и которая, казалось Ане, канула в пропасть, эта легкость вернулась. Да уж, с Сержем не соскучишься.

– Кажется, я сегодня что-то неудачно формулирую свои мысли, – заявил Серж.

– Вовсе нет, – ответила Аня, чувствуя прилив необычайного великодушия, – с вашими формулировками все в порядке. Это я не адекватно их воспринимаю, уж не обессудьте.

«Не обессудьте», ну надо же! Аня никогда таких слов прежде не использовала, но пассивно она знала довольно много подобных словечек и выражений. В Саратове она несколько лет занималась в театральной студии, где предпочитали ставить русскую и мировую классику.

Это была очень престижная студия, и руководил ею по-настоящему серьезный и даже маститый режиссер, известный всей стране. Да-да, именно так. А почему нет? Саратов, конечно, не Москва и не Петербург, но он никогда не был какой-то там дырой. Наоборот: он с давних пор был, и по сей день оставался, важным центром культурной, в том числе и театральной жизни. Да и университет у них один из лучших в России. Почему сей мэтр и корифей снизошел до того, чтобы вести драмкружок для школьников и учащихся техникумов, особой загадки не представляло – родители «студийцев» хорошо платили. В студию ей дала рекомендации очень любившая Аню учительница русского и литературы, которая вела уроки в их классе, а оплачивать это удовольствие согласились дядя Гера и тетя Таня. Родители, впрочем, не возражали. В студии Аня, за которой признавали актерские способности, переиграла репертуар, которому позавидовали бы многие профессиональные актрисы. Так, она сыграла Софью в «Горе от ума» – в той самой пьесе, в которой звучат известные слова Фамусова: «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», которые страшно обижали Аню, любившую свой город, а заодно также и Нину Заречную, Джульетту, Офелию и, наконец, Маргариту в инсценировке знаменитого булгаковского романа. Эту последнюю роль она любила более всего. Одно время она подумывала даже стать актрисой, но, представив себе, как она каждый вечер в театре будет произносить одни и те же реплики, потеряла к этому интерес. Однако же участие в работе театральной студии не прошло зря: там Аня научилась чувствовать выразительность русского языка и понимать его многозначность.

Серж улыбнулся. На этот раз в его улыбке не было ни сарказма, ни снисходительной иронии.

– Не обессужу, – мягко сказал он. – А, может, не обессудю. Даже и не знаю, как правильно сказать, что со мной бывает крайне редко. С вашим языком, как у вас же говорят, на стену можно залезть – слишком уж он сложен. По-моему, чрезмерно, – и, кроме того, чересчур эмоционально насыщен. Русские вообще отличаются избыточной эмоциональностью. Впрочем, к делу.

Серж бросил взгляд на свои часы, стоявшие, вероятно, целое состояние, и, вновь улынувшись, сказал:

– Поскольку ресторан слишком близко, предлагаю немного пройтись. Вы как на это смотрите?

– Я с удовольствием прогуляюсь, – просто сказала Аня. – А вы расскажете мне о Париже?

– Ну, конечно, расскажу, – пообещал он. – Но вы уверены, что не хотите поесть прямо сейчас? Я так понимаю, что вы с утра ничего не ели, принеся, если можно так выразиться,

потребности естественные в жертву духовным. А между тем, уже почти час дня. Сколько времени вы пробыли в музее?

– Примерно четыре часа. Знаете, я как-то перестала следить за временем.

– Это мне знакомо. Вы не зашли хотя бы в кафетерий?

– В Лувре? Зашла. И тут же вышла – там чашечка эспрессо стоит 5 евро.

– О да, вы правы. Французы – просто грабители. Пользуются беспомощным положением потерпевших, а это, кстати, обстоятельство, отягчающее вину.

– Ну, не такие они уж и грабители, – неожиданно возразила Аня. – Я знаю, например, что музеи, как правило, не окупаются и получают дотации от государства. Думаю, что и Лувр тоже.

– Вы великодушны, Аня. Это похвально. Но вы, хотя бы, позавтракали в отеле?

– Конечно, позавтракала. Не волнуйтесь, Серж.

Она впервые произнесла его имя, как бы попробовав его на язык, и послевкусие от него, терпкое, как хорошее вино, словно бы все еще ощущалось во рту.

– Знаю я эти завтраки в парижских отелях, – проворчал Серж, двинувшись в сторону, противоположную Лувру. – От них точно не растолстеешь, как баобаб.

Аня рассмеялась, попытавшись представить себя толстой, в три обхвата.

– А вы бы хотели, чтобы я была такой? – она развела руки метра на полтора.

– Боюсь, вам это не пошло бы, – ответил он с серьезным видом, и Аня прыснула.

Она смеялась непринужденно, с легким сердцем. В самом деле, что она заморачивалась? Как любил говорить ее покойный дед, «Живем однова». Незачем мучить себя бесконечными сомнениями, надо жить – здесь и сейчас.

– Но иногда все-таки нужно, следуя давней народной традиции, что-нибудь да съесть, – добавил Серж, и Аня вновь засмеялась.

Легкая и изящно-остроумная манера речи Сержа нравилась Ане, и она начала подпадать под его обаяние.

– Ну вот, – сказал Серж в тот момент, когда они подошли к богато украшенной трехпролетной арке, увенчанной сияющей на солнце позолоченной квадригой, – через эти беломраморные врата мы с вами и вступим в Париж.

Триумфальная арка Каррузель, 1806—1808. Арх. Шарль Персье (1764—1838) и Пьер-Франсуа Фонтен (1762—1853).

– Но я ведь в Париже со вчерашнего вечера, – возразила Аня. – И я уже четыре часа провела в Лувре.

– То в Лувре, – сказал Серж. – Лувр – замкнутое пространство, в известной мере самодостаточное. У него своя топика, своя аура – историческая, культурологическая, эмоциональная и прочая. Можно сказать, что Лувр – это «Ding an sich» – «вещь в себе».

– Вам нравится говорить по-немецки?

– Мне нравится говорить на разных языках. Тут многое зависит от ситуации, настроения: сейчас, например мне больше всего нравится говорить по-русски.

Серж улыбнулся Ане.

– Поверьте мне, все языки хороши, – продолжал он – Язык подобен алмазу – сырому алмазу. Вы видели сырые, то есть не обработанные, не ограненные алмазы?

– Нет, таких я пока не видела.

– А мне вот доводилось их видеть, и очень часто. В таком исходном, так сказать, первоизданном виде алмаз, как правило, не слишком эффектен, а порой и просто невзрачен. Для того чтобы выявить его красоту, блеск, его нужно огранить, причем, умело. И тогда он предстанет перед вами во всей красе. Так и с языком: его тоже следует «огранить», отшлифовать. И он засияет.

Аналогии, проводимые Сержем, его метафоричная речь завораживали Аню. Один профессор, преподававший у них экономику, объяснял, что аналогия ничего не доказывает и никого не убеждает, а может служить лишь иллюстрацией. Однако аналогии Сержа почему-то были исчерпывающе убедительны.

– И потом, – продолжал он, – я сказал это по-немецки потому, что этот термин пришел в мир из классический немецкой философии.

– «Вещь в себе». Но разве Лувр – не часть Парижа?

– Часть. И важная часть, к тому же. И все же, Лувр, в известном смысле – самое «не парижское» место в Париже.

– Что вы хотите этим сказать?

– Лувр – это музей. Но не просто музей, а музей академический, репрезентативный. Классический, если угодно. Это – музей, существующий вне времени, или во все времена. Музей для любой поры. Обитель вечности. И потому он консервативен – вечность, она вообще консервативна и не любит, когда ее беспокоят по мелочам. Но вернемся на землю. Взгляните прямо перед собой. Что вы видите?

Аня посмотрела в направлении, указанном Сержем. Прямо перед собой она видела ту самую беломраморную арку – теперь они с Сержем стояли точно по ее оси, посередине ее центрального, самого высокого проема, а в нем... Аня была поражена: как бы внутри этой, ближайшей арки была видна еще одна, более далекая арка. Аня узнала ее: это была та самая знаменитая Триумфальная арка, один из символов Парижа, изображения которой можно было увидеть лишь немногим реже, чем изображения Эйфелевой башни. Но и это было еще не все: в Триумфальную арку, в свою очередь, была как бы «вложена» еще одна, уже третья, еще более далекая, и, судя по всему, громадная арка, казавшаяся почти призрачной в мареве у горизонта. А где-то между ними, но точно на этой огромной оси – тонкой, устремленной вверх иглой высился остроконечный обелиск. У Ани захватило дух – такого ей еще видеть не доводилось. Внезапно Триумфальная Арка словно резко приблизилась, как бывает, когда камера делает

«наезд» и была теперь видна отчетливо, со всеми деталями, будто под увеличительным стеклом. Это напоминало компьютерный «зум». Под аркой лениво плескался на ветру французский триколор. Аня зажмурилась и проглотила слюну.

Серж смотрел на нее и молча ждал, давая Ане возможность прочувствовать все великолепие этого зрелища.

– Что это? – наконец спросила она, обернувшись к нему, медленно приходя в себя.

– Впечатляет, не правда ли? – сказал Серж вместо ответа. – Такую перспективу вы не увидите больше нигде, уж можете мне поверить. Одной ее хватило бы, чтобы затмить все прочие города на свете. Но когда мы пройдем через сад Тюильри и выйдем на площадь Согласия, вы убедитесь, что это еще не все, и на самом деле зрелище еще великолепнее.

– Почему?

– Не торопитесь, – сказал, улыбаясь, Серж. – Этот город – не для торопыг. Его нужно смаковать медленно, как хорошее вино.

– Но мы дойдем до этих арок?

– Конечно, нет – это слишком далеко. Но до Луксорского обелиска мы как раз дойдем, прежде чем повернуть назад, к ресторану.

– Вы имеете в виду этот самый обелиск? – спросила Аня, кивнув в сторону арки.

– Именно его, – ответил Серж. – То, что вы видите перед собой, есть не что иное, как знаменитая Триумфальная дорога. И начинается она здесь, на площади Каррузель, с Лувра и с этой первой, самой небольшой из арок – Триумфальной арки Каррузель. Ее соорудили в 1806—1808 годах, в честь побед Наполеона, его любимчики – Персье и Фонтен.

– Любимчики?

– Ну да. Его придворные архитекторы. Они создали ему стиль, придавший должное эстетическое оформление его имперской идее – ампир, что по-французски собственно и значит – «империя». Поместили, так сказать, бриллиант в оправу.

Аня не могла не заметить, как часто Серж упоминает об алмазах, бриллиантах. Очевидно, не спроста. Ей показалось, Серж понял, что она к ним равнодушна – возможно, пронаблюдав за тем, как она смотрела на его часы. Впрочем, для того, кто умеет читать мысли, а в этом она уже успела убедиться, это явно не было проблемой. Но, вместе с тем, Аня чувствовала, что дело этим не ограничивается: У Сержа был тут какой-то свой интерес...

– Хотя, это все вторично, – продолжал Серж, кивнув в сторону арки. – По сути, она повторяет свой прототип – триумфальную арку Септимия Севера на Римском Форуме.

Аня не стала уточнять, был ли Серж в Риме – она в этом уже и не сомневалась. Он бывал повсюду, видел все в оригиналах... Интересно, как ощущает себя человек, который все знает, и все видел? Наверное, как-то по-другому...

Тем временем, они прошли через арку и вошли в сад. Сейчас, в этот ясный, погожий день, здесь было много народу. Обширное зеленое пространство в самом центре города произвело на Аню удивительно умиротворяющее, эйфорическое действие. Она представила себя, кошкой, греющейся на солнышке – она вообще любила кошек – и, казалось, готова была вот-вот замурлыкать.

Она взглянула на Сержа. Он шел расслабленной, слегка вальяжной походкой, но Аня чувствовала – расслабленность Сержа – это расслабленность сытого тигра, переваривающего

антилопу (а может, и не антилопу, в зоологии Аня мало разбиралась), и в любой момент тигр может собраться и прыгнуть. И Аня не завидовала тому, на кого он прыгнет.

– Как здесь хорошо! – сказала она, чувствуя себя, как в оазисе.

– Да, летом тут неплохо. Но осенью и зимой, когда идут дожди... Видите, дорожки не асфальтированы, поэтому все так развозит, что если здесь и гулять, так только в резиновых сапогах.

– В резиновых сапогах? По Парижу?

Аня представила себе картинку: в Лувр, в резиновых сапогах. Полная шиза!

– Ну, можно вместо резиновых сапог воспользоваться легким водолазным костюмом, – заметил Серж.

Аня расхохоталась. Правда, она не знала, как выглядит легкий водолазный костюм и чем он отличается от тяжелого, но все равно было почему-то ужасно смешно.

– Когда-то, – вновь заговорил Серж, – впрочем, еще не так уж и давно, здесь стоял дворец Тюильри, который как бы замыкал собою комплекс Лувра. Он был построен в 16 веке, по желанию Екатерины Медичи.

– Она была королевой?

– Она была флорентийской сукой, – жестко ответил Серж. На лице его было написано презрение.

Аня была поражена – что это с ним? Почему он так о ней говорит? Что она собой представляла, эта Екатерина Медичи?

– Почему вы так ненавидите ее? – спросила она.

– Ненавижу? О нет, – Серж усмехнулся. – Много чести. Просто презираю.

– Но почему?

– Это долгий разговор. Впрочем, если уж на то пошло... Да, она была королевой Франции. Но родилась во Флоренции и происходила из рода Медичи, о котором вы наверняка слышали.

– Да, я помню. Они были правителями Флоренции.

– Были. И не только. Среди них были, например, римские папы. Но это не существенно. Говорят, что их предки были врачами, и якобы от этого происходит их фамилия – Medici, то есть медики, лекари. Но это не более чем легенда, хотя на их фамильном гербе были помещены в золотом поле шесть червлёных, то есть красных, шариков, якобы пилюль. Один из этих шариков впоследствии сделали лазурным, с изображенными на нем тремя золотыми геральдическими лилиями – лилиями Франции. Впрочем, неважно.

Интересно, а есть ли что-нибудь на свете, чего Серж не знает? – подумала Аня. – Если бы кто-то сказал ей сейчас, что таких вещей нет, она нисколько не удивилась бы.

– Она была истой, ревностной католичкой, – продолжал, между тем, Серж.

В его голосе звучала явная неприязнь. Таким Аня его еще не видела. Впрочем, они были знакомы всего пару часов. Откуда же у Ани было такое чувство, что она знает его много лет?

– Из знатного рода, – добавил Серж с издевкой в голосе – торгаши базарные, ростовщики недоделанные. Подумать только, как они поднялись – теперь уже породнились с Валуа. С Валуа, ну надо же! И вот теперь эта дочурка нашего славного Лоренцо II – ну, прямо монарх, ни дать, ни взять – имела в ромбе на своем гербе, рядом со своими дурацкими пилюлями, золотые лилии Франции.

– Почему в ромбе? – спросила Аня.

– Женские гербы всегда имеют такую форму, – ответил Серж. – Рыцарский щит им, согласитесь, не пристал. Вот только красотой она, мягко говоря, не блистала, наша Catiche.²² Как у вас, русских, говорят, «страшнее ядерной войны».

Екатерина Медичи

Диана де Пуатье

– Как же она стала королевой?

– Поначалу она стала принцессой, причем, даже не женой наследника престола. Но случилось так, что ее муж стал наследником трона, а затем и королем – Генрихом II. А вот почему стала *принцессой*? Об этом мне не хочется даже говорить. Назову только цифру: 130 000 дука-тов. Чего-чего, а денег у этих пилюльщиков хватало. Впрочем, их так никогда и не выплатили. Понятно, что эта жаба едва ли могла пробудить у Генриха II любовный пыл. К тому же она и в постели была деревянной, так что даже темнота не спасала дело. Ясно поэтому, что Генрих искал утешения на стороне, и нашел его в лице Дианы де Пуатье. Уж с Дианой-то он выделял такие кульбиты, что мое почтение! И это притом, что она была старше его. Но она была женщиной, а не представительницей славного класса земноводных.

– А что же Екатерина?

– А что Екатерина? – переспросил Серж. – Она проделала в спальне Дианы, в замке Шенонсо²³, дырочку и наблюдала за упражнениями мужа с Дианой.

– Какая гадость! Зачем?

---

²² Катенька (фр.)

²³ Замок Шенонсо находится в долине Луары, недалеко от города Тур, на реке Шер.

– Хотела понять, чем Диана его прельщает.

– Но у них были дети?

– У кого?

– Ну, у Екатерины с Генрихом?

– Были, понятное дело. У короля, видите ли, есть обязанности. Он должен продолжать династию. Впрочем, после того, как Екатерине, выражаясь современным языком, запретили рожать, муж более не посещал ее спальню.

– Освободился от обязанностей?

Серж коротко рассмеялся.

– А вы за словом в карман не полезете, – сказал он. – Но мы, пожалуй, отвлеклись.

Он немного помолчал.

– Это все ерунда, по большому счету. Так, сплетни. Тема для досужих болтунов.

– Сплетни? Так это все неправда?

– Ну, почему неправда? Правда. В сплетнях не обязательно содержится ложь. Дело в другом: сплетни, или, если вам так больше нравится, нескромные разговоры – это хороший материал для *беллетристов*.

Чем насолили Сержу эти беллетристы, Аня понятия не имела, но это слово было произнесено таким тоном, что она поежилась: какой же глубины и силы может достичь презрение или неприязнь Сержа? И, право, лучше этого не знать.

– Проблема в том, – продолжал он, – что вся эта трепология, которую многие принимают за *историю*, не говорит о главном, существенном. Все это – просто скольжение по верхам, когда за деревьями фактов и красочных деталей, которые производят на простецов впечатление энциклопедической эрудиции, не видно леса реальных причин и следствий, мотивов, внутренних пружин тех или иных событий. Но для этого надо *углубляться*, анализировать. А это – не ходовой товар. Так и Варфоломеевская ночь – то, что действительно важно.

Варфоломеевская ночь? Аня помнила об этом событии смутно, хотя в свое время в гимназии у нее была по истории единица.²⁴ Кажется, какая-то резня по религиозным мотивам?

– Что вы знаете о Варфоломеевской ночи? – спросил Серж.

Аня растерялась. Совсем не хотелось представлять перед Сержем невеждой и недоучкой. Но она ответила честно:

– Мало. Знаю, что это была резня...

Неожиданно в Анином сознании, удивительно вовремя, всплыло слово:

– Гугенотов, – договорила она.

---

²⁴ В Германии – высшая оценка.

Уф! Ей казалось, что она даже немного вспотела от напряжения. Но Серж только кивнул головой.

– Да, гугенотов, – подтвердил он. – Так во Франции называли протестантов, точнее, кальвинистов. Их тогда в Королевстве Золотых Лилий было много. Но главное – это не количество, а качество. Какие имена! Лучшие люди Франции. Достаточно сказать, что из всего семейства Бурбонов только один – кардинал Шарль де Бурбон, оставался в лоне католической церкви. И они были сильны: у них была хорошо организованная и хорошо вооруженная армия, они контролировали несколько важных укрепленных городов, в том числе Ла-Рошель²⁵, ставшую в последствии столь известной благодаря одному *беллетристу*. И у них были деньги. Те самые деньги, которых так не хватало королевскому двору и Католической лиге. Но Варфоломеевская ночь положила конец их могуществу – почти все их лидеры, их лучшие силы были перерезаны тогда. Гугеноты были обезглавлены.

Серж задумчиво посмотрел на, казалось бы, пустое место в саду. Что он там видел?

– La Saint-Barthélemy²⁶. – произнес он. – Франция могла бы стать великой протестантской державой. Но единая, святая мать – католическая церковь не могла, конечно, себе позволить отпустить от себя свою возлюбленную дочь.

– Возлюбленная дочь – это Франция? – догадалась Аня.

– Вы – умница, Аня, – сказал Серж и посмотрел на нее. – Это не комплимент, это – констатация.

Слышать это Ане было приятно – пожалуй, как никогда. Наконец-то делают комплименты ее уму, а не внешности. И кто?! Серж! Но сейчас ей было не до того – она была захвачена темой.

– И вы считаете, что все это организовала Екатерина Медичи? Что за всем этим стоит она?

Серж остановил на Ане долгий взгляд, а затем слегка кивнул, словно бы каким-то своим мыслям.

– Так считают многие. Собственно, почти все, – сказал, наконец, он.

– А вы? – спросила Аня, отчетливо сознавая, что именно мнение Сержа куда важней, чем точка зрения многих, и даже «почти всех».

– Вы считаете, что это не так? – уточнила она.

– Ну, кто стоит *за* этим, – сказал он, – мы обсуждать не будем.

И Аня поняла, что об этом Серж говорить, действительно, не станет.

– Но она это санкционировала, – продолжал он. – Гизы и все прочие отмороженные правоверные из Католической лиги – все эти *plus catholiques que le pape*²⁷, Гонзага и другие итальянцы – проклятые итальянцы! – все они ничего не сделали бы без ее согласия. Без ее санкции это было невозможно, хотя бы потому, что они были тогда страшно разобщены и готовы были сожрать друг друга. Впрочем, это их обычное состояние.

---

²⁵ Ла-Рошель – город на юго-западе Франции, порт на берегу Атлантического океана. Осада Ла-Рошели упоминается в романе А. Дюма «Три мушкетера».

²⁶ Варфоломеевская ночь (фр.)

²⁷ Лучшие католики, чем папа римский (фр.).

Аня интуитивно почувствовала, что вот сейчас Серж скажет что-то важное. *Действительно* важное.

– Она была лишь орудием, – теперь Серж говорил медленно, словно подбирая слова, – плохим орудием – вроде тупого скальпеля. Все ее страхи, фобии, комплексы – все это вылезло. В итоге... В итоге все пошло вразнос. Запомните, Аня, нет большей вины, чем глупость. Многого можно понять, извинить. Глупость – непростительна.

Аня молча ждала продолжения.

– Вы, конечно, скажете, что массовое убийство – это преступление, и будете правы. Но знаете, что сказал как-то Наполеону Талейран в связи с расстрелом герцога Энгиенского?²⁸ Он сказал: «Сир, это *хуже*, чем преступление. Это *ошибка*».

Аня пыталась переварить сказанное, когда Серж заговорил снова:

– Она, видите ли, хотела вырвать своего сынка, Карла IX, из-под влияния вождей гугенотов.

– Он был тогда королем?

– Королями последовательно были три ее сына – Франциск II, Карл IX, а затем еще и Генрих III. Она вначале овдовела, а потом пережила своих сыновей. В тот момент королем считался Карл.

– То есть, реально правила Екатерина?

– Разумеется. Именно она была действительной правительницей Франции при всех своих сыновьях. А Карл... Так, морковный кофе.

Аня удивленно посмотрела на Сержа. Это еще что такое?

Портрет Карла IX. Худ. Франсуа Клуэ.

– Суррогат, – пояснил он. – Полное ничтожество. Стоит взглянуть на его портрет, сделанный Франсуа Клуэ²⁹, и все станет ясно. Удивительная верность натуре! Кстати, Карл тогда сидел у окна Лувра и развлекался тем, что стрелял в прохожих из мушкета. Такие вот милые забавы дитяти. Это было на противоположной от нас, восточной стороне Лувра, напротив церкви Сен-Жермен-л'Осеруа.

– Но ведь церковь Сен-Жермен находится на бульваре Сен-Жермен, я вчера сама видела, когда гуляла.

---

²⁸ Луи-Антуан-Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский, один из представителей аристократической эмиграции, сын последнего принца Конде, (род. В 1772 г.) был расстрелян по приказу Наполеона во рву Венсеннского замка 21 марта 1804 года.

²⁹ Франсуа Клуэ (1515—1572) – французский художник при дворе Франциска I, Генриха II, Франциска II и Карла IX.

– То, что вы видели, это церковь Сен-Жермен-де-Пре. А эта – другая, она посвящена святому Германику, или, по-французски, Жермену, из Осера: это – город в Бургундии. Именно с ее колокольни в два часа ночи на 24 августа 1572 года прозвучал набат, призывающий к началу резни. Много народу погибло в ту ночь – 30 000.

Церковь Сен-Жермен-Л'Осеруа, Париж

Аня была поражена.

– И, к слову сказать, не только гугенотов, но и правоверных католиков.

– Почему?

– Хотя бы потому, что ошибок во многих случаях было не избежать: гугенотов опознавали по черным одеждам, которые они носили. Но это, как вы понимаете, признак не сто-процентный. К тому же, многих гугенотов вытаскивали из постелей, или же убивали прямо в постелях. И потом, многие под шумок решали свои частные проблемы: избавлялись от кредиторов, конкурентов, а порой и от надоевших жен.

– Женщин тоже убивали?

– Убивали всех. И детей тоже. Гугенотов, католиков – все равно. Под конец уже никто на это особо не смотрел – резали всех подряд. Впрочем, как резонно говаривал некогда Симон де Монфор³⁰, «Убивайте всех – Господь узнает своих».

То, что рассказывал Серж, привело Аню в ужас. И все это происходило здесь, в этом городе? Аня обвела взглядом пространство вокруг.

– Да, – сказал Серж, – все это происходило в этом самом квартале.

– Как же убийцы узнавали друг друга?

– Хороший вопрос. Вы вообще умеете задавать очень хорошие вопросы, Аня. Но, полагаю, вы и сами можете на него ответить, если подумаете.

Аня задумалась. И тут она догадалась:

– Они надели что-то, какие-то опознавательные знаки, на одежду?

– Все правильно. Они надели белые ленты.

Серж немного помолчал.

– В числе прочих тогда был убит и лидер гугенотов – адмирал Гаспар де Колиньи. Кстати, его статую можно увидеть здесь, рядом – на Риволи, на так называемом Храме Оратории, это – протестантская церковь. Ну, а тогда, в 1572, все они съехались в Париж. А это была ловушка.

– Зачем же они все приехали?

---

³⁰ Симон IV де Монфор (1160/65 – 1218) – предводитель крестового похода против альбигойцев (на Юге Франции), 5-й граф Лестер, граф Тулузский, виконт Безье и Каркассона.

- На свадьбу.
- Вы шутите?

– Нисколько. Екатерина выдавала свою дочь Маргариту Валуа – известную в дальнейшем под именем Королевы Марго – за предводителя гугенотов, Генриха Наваррского – будущего короля Франции Генриха IV. Странная это была свадьба: невеста стояла у алтаря собора Парижской Богоматери, а жених мялся в дверях, поскольку войти внутрь имел право лишь добрый католик. Такие вот дела.

Аня задумчиво покачала головой.

– Я сейчас вспомнила, – сказала она, – что в тот год, кажется, на небе вспыхнула необычайно яркая звезда – ярче всех других звезд, и что многие считали это знамением, как-то связанным с этими событиями.

Серж взглянул на нее с неприкрытым интересом. Глаза его на миг словно вспыхнули, но это было мимолетно, так что Аня даже подумала, что это какая-то странная иллюзия. Серж вновь смотрел на нее своим обычным слегка ироничным взглядом.

– Только не говорите мне, что об этом вы прочли в учебнике, или что вам это рассказали на уроке в школе, – сказал он.

– В гимназии, – автоматически поправила она.

– О, понимаю, – сказал он с чуть заметной усмешкой. – Выше поднимай. Я знаю, это что-то вроде французского лица. Но все равно сомневаюсь, что вам об этом поведали на занятиях – хотя бы даже в гимназии.

– Нет, – смутилась Аня, – я прочла об этом где-то – уже не помню точно где.

Серж смерил ее взглядом.

– Где именно – не важно. Важно, что вы любопытны... Или – как это говорят по-русски...

Серж на мгновение задумался.

– Пытливый, – вспомнил он с явным удовлетворением. – Это замечательно, Аня.

– Так звезда действительно была?

Серж рассмеялся.

– Вы верны себе, – заметил он. – Да, звезда была...

Он помолчал.

– Правда, – продолжил он, – ее впервые заметили лишь через несколько месяцев после этих событий – в ноябре. Она действительно была намного ярче прочих звезд – даже Сириуса. По блеску она была равна Венере. Ее можно было видеть даже днем – если зрение позволяло, конечно. Ночью она отчетливо светила сквозь густые облака. Она наблюдалась в созвездии Кассиопеи – вы, возможно, знаете: такая буква «дабл ю», или «М», растянутая за «ножки».

– Я помню! – засмеялась Аня. – Мне ее показывали – и описывали точно такими же словами.

– Вот как. И кто же, если не секрет?

– Так, – Аня смутилась, – один молодой человек. Давно...

– Понятно, – сказал Серж, сдерживая улыбку. – «Дела давно минувших дней...» – процитировал он. – Не смущайтесь, Аня. Мне нравится ваше окружение, пускай даже «давно» –

вы явно оделили своим вниманием не худшего «молодого человека», что лишний раз характеризует вас.

Аня покраснела.

– Ладно, оставим это, – сжалился над ней Серж. – Между прочим, эту звезду наблюдал Тихо Браге. Слышали о нем?

– Что-то слышала. По-моему, он был астрономом.

– Да, астрономом. Но не только...

– То есть? Кем еще?

– О, он был весьма неординарной личностью – уверяю вас. Согласитесь, едва ли человека с серебряным носом встретишь на каждом шагу.

– Как вы сказали? – изумилась Аня. – Серебряный нос? Это что – шутка? Или какая-то метафора?

– Нет, не метафора. Нос был серебряным – в самом буквальном смысле.

– Я не понимаю, – растерянno проговорила она.

– Разумеется, не от рождения, – объяснил Серж. – Тихо потерял свой природный нос на дуэли. Другого это обезобразило бы на всю жизнь. Но Тихо... короче, Тихо – это был Тихо: оригинал, каких еще поискать. Он изготовил себе серебряный нос: протез, как сказали бы сейчас. И не только этого не смущался, но даже красовался с этим своим носом. Еще бы! Где еще такое увидишь?

– Он был, наверно, очень интересным человеком.

– О да! Вы даже не представляете. Как-то в Праге...

Серж осекся.

– Впрочем, не важно, – договорил он.

Он немного помолчал.

– А насчет знамений... – вновь заговорил он. – Надеюсь, вы не думаете, что Создатель зажигает эти «свечки», чтобы кого-то потешить на нашей грешной Земле. Устроить, так сказать, фейерверк для малых сих. Делать ему больше нечего... Знаете, такие звезды теперь называют сверхновыми. Вы даже представить не можете себе, какая энергия там высвобождается! Чудовищная, кошмарная – нет, для этого просто нет слов в человеческом языке! Такая звезда может какое-то время излучать энергии больше, чем вся галактика, в которой она находится, с ее миллиардами звезд. Право, верх наивности думать, что все эти поистине вселенские чудеса творятся лишь для того, чтобы кому-то на нашей захолустной планетке подать знак или сделать намек. Как говорится, орел не ловит мух. Так-то вот.

Какое-то время они шли молча.

– А что же стало с дворцом Тюильри? – спросила наконец Аня.

– Его сожгли в 1871 году, во время так называемой Парижской коммуны.

– Кто сжег?

– Известно кто – коммунары. Революционеры.

– Но зачем?

– Затем, что вандализм – наряду с террором – излюбленное занятие всей этой революционной швали. Так, во времена якобинцев, еще при первой, так называемой, «революции», в конце 18 века, они поотбивали головы статуям на соборе Парижской Богородицы, думая, что

это – французские короли, тогда как на самом деле то были цари древнего Израиля. Впрочем, невежество и неуважение к предкам и к своей истории – одна из главных отличительных черт всех революционеров на свете. Долой тиранию! *Aristocrates à la chandelle!*

– Что это значит?

– Аристократов – на фонари! Вы даже не представляете, что здесь делалось! Прах маршала Тюренна выбросили из склепа – великого Тюренна! То же самое случилось с останками кардинала Ришелье – их вышвырнули из могилы в церкви Сорбонны, где он был захоронен. Только голову удалось спасти одному ученому – под предлогом научных исследований. А мадам Дюбарри, бывшей любовнице Людовика XV, отрубили голову, насадили ее на пику и носили по улицам.

– Какой кошмар!

Аня была потрясена.

– Это ли еще кошмар? И эти – коммунары – туда же. Тюильри сожгли как символ тирании, хотя именно эти «борцы с тиранией», едва придя к власти, устанавливают такую тиранию, рядом с которой прежняя якобы тирания кажется благотворительным фондом. Вандомскую колонну повалили. Причем, руководил этим, с позволения сказать, мероприятием известный художник Гюстав Курбе³¹ – редкостная сволочь. Что вы хотите? Быдло – оно всюду и во все времена *быдло*.

– И колонну тоже не стали восстанавливать? – спросила Аня.

Колонна Великой Армии (Вандомская колонна). Вандомская площадь, Париж.

– Колонну установили вновь, вы ее можете увидеть, если захотите. А что касается Тюильри... Это роковое место. Все правители, которые в нем обитали, были свергнуты: и Людовик XVI, и Наполеон I, и Карл X, и Наполеон III. Единственным, кто спокойно умер в этом дворце, был Людовик XVIII в 1824 году. Но он вел себя тише воды, ниже травы.

Тем временем, они вышли из сада Тюильри на широченную площадь, посередине которой возвышался обелиск, обрамленный с двух сторон фонтанами. Заостренная верхушка обелиска была позолоченной и ярко сияла на солнце.

---

³¹ Гюстав Курбе (1819 – 1877) – французский художник. После ликвидации «Парижской коммуны» был приговорен судом к возмещению расходов на восстановление Вандомской колонны.

- Ну, вот и площадь Согласия, – сказал Серж.
- Странное какое-то название, – заметила Аня. – Согласие кого с кем, или с чем?

Серж хмыкнул.

– Да, пожалуй, название не совсем обычно. Но, должен вам заметить, Аня, что вы первая, кто меня об этом спросил.

– Не может быть, – удивилась Аня, – ведь этот вопрос просто напрашивается.

– Видите ли, большинству просто наплевать, а остальным кажется, что все и так понятно. На самом же деле понятно это мало кому. Но люди, знаете ли...

– Ленивы и нелюбопытны, – завершила Аня начатую Сержем фразу.

Серж улыбнулся, но одними лишь глазами.

– Ну да, – и он слегка кивнул головой, – верно. Но о вас этого не скажешь. Вы любопытны, и это хорошо. Я скажу больше – это одно из самых ценных человеческих качеств. И, увы, по-настоящему любопытных людей очень и очень немного. Разумеется, я не имею в виду досужее любопытство обывателя. Повторю еще раз: вы задаете хорошие вопросы. Но сами вы как думаете, откуда такое необычное название? Хотя, например, в Риме есть улица Примирения, что еще более необычно. Но все же?

Аня задумалась. Она поняла, что Серж стремится вовлечь ее... Во что? Просто в разговор? Или он присматривается, оценивает? Может быть, сейчас решается ее судьба? Черт, как на экзамене!

Хотя нет, – подумала она – какой там экзамен? Просто надо «включиться», и тогда все пойдет. Ведь это и в самом деле интересно!

– Мне кажется, – медленно начала она, – что речь идет о согласии в обществе, между разными социальными группами.

Аня постаралась задействовать все, чему успела научиться в Высшей школе в Вормсе.

– Возможно, о единстве нации, – продолжала она. – После всех этих революций. После всего того ужаса, о котором вы мне рассказали.

Серж молчал, глядя на обелиск, находившийся прямо перед ним.

– Не знаю, может, это все ерунда. Но мне так кажется, – договорила она.

Она чувствовала себя неуверенно, неуютно. Ей казалось, все, что она только что сказала – это полная чушь, и сейчас Серж, в своей обычной ироничной, или даже саркастичной манере расскажет, *как* все обстоит на самом деле. Его молчание, как и то, что он смотрел в сторону, обескураживало, сбивало, мешало сосредоточиться.

Она замолчала. Будь, что будет! В конце концов, «я не волшебник, я только учусь», – подумала она.

Наконец, Серж повернулся к ней. Его глаза смотрели весело, и чертики в них вновь плясали.

– Да, – кивнул он, – Все правильно. Рад видеть, что я не ошибся. Впрочем, я очень редко ошибаюсь. Но, все равно, это приятно.

– ?!

Этого Аня не совсем поняла... Но, главное, Серж принял ее объяснение, он с ним согласен!

– По сути, мне нечего к этому добавить, – заключил он.

Сердце Ани пело.

– Разве только кое-что уточнить. Здесь, – он сделал отмашку в сторону площади Согласия – стояла гильотина. И не просто стояла – она работала, и как! Во время Большого Тerrorsа дня не проходило без публичной казни. Правда, толпа была сильно разочарована – поначалу.

– Почему?

– Казнь на гильотине происходила слишком быстро – раз и готово! Никакого удовольствия! Единственной «отдушиной» для зевак был, пожалуй, момент, когда палач высоко поднимал отрезанную голову за волосы, так чтобы все могли видеть ее.

– Зачем? – в ужасе спросила Аня.

– Видите ли, – ответил Серж, – тогда считалось, что отрезанная голова еще может видеть в течение примерно 20 секунд. И это делалось для того, чтобы она в последний раз посмотрела, как зрители смеются над ней.

– Смеются?! Я не ослышалась?

– Нет, вы не ослышались – именно так. Впрочем, этого зрителям все-таки казалось недостаточным. Когда 25 апреля 1792 года казнь на гильотине была совершена впервые, – еще не здесь, а на Гревской площади – собравшаяся публика не скрывала своего недовольства.

– Какая гадость! – в сердцах воскликнула Аня, – Откуда в людях столько жестокости?!

– Толпа – что вы хотите? Толпа – это редкостная мерзость.

– А Гревская площадь – это где?

– Это площадь перед Ратушей. Раньше именно она была традиционным местом казней. Но теперь на карте Парижа такого названия давно уже нет – сейчас это Площадь Ратуши – place de l'Hôtel de Ville. Ну, а тогда гильотину перенесли с Гревской площади сюда – на площадь Революции – так она называлась в те дни. Гревская площадь уже не годилась, по причине недостаточной вместимости. Не тот теперь стал размах. Ну, и пошло-поехало. Сначала казнили так называемых контрреволюционеров, затем уже революционеры казнили друг друга – как водится. Кстати, выражение «враг народа» впервые было сформулировано именно тогда и именно здесь.

– Я этого не знала.

– Но это так. 21 января 1793 года здесь был казнен король Людовик XVI. А потом понеслось. У Революционного Трибунала не было других приговоров, кроме смертной казни.

– Но почему так произошло?

– В то время так вели политическую борьбу. Разделялись с оппонентами, просто конкурентами – посредством Ревтрибунала. Как любил говорить их духовный наследник Иосиф Джугашвили, «нет человека – нет проблемы».

– Это – Сталин?

– Так он себя называл. Все это выросло отсюда. Здесь, на этой самой площади, начался отсчет. Недаром, придя к власти в России, большевики отдали дань своим предшественникам, и среди них, якобинцам: увековечили их память. Да и не только память якобинцев, но и их духовных наставников. По крайней мере, им так казалось...

– Как они это сделали?

– Вы бывали в Москве? – спросил Серж вместо ответа.

Аня заметила, что это была его обычная манера.

– Нет, – ответила она. – Но собиралась побывать.

– Отъезд в Германию помешал, как я понимаю?

– Да.

– Думали делать там карьеру?

Аня замешкалась с ответом – глупо врать Сержу, да и бессмысленно. Он все равно все узнает, если захочет. Но дело в том, что в данном случае Аня и сама толком не знала, *что* она собиралась делать в Москве. Это было так неопределенно, так наивно. Она была тогда совсем девчонкой.

– Можете не отвечать, – сказал Серж, словно поняв, о чем думала Аня.

«Словно»? Ой ли?

– У кремлевской стены – с западной стороны – находится Александровский сад, – продолжал он, – И в нем – грот. А неподалеку – могила Неизвестного Солдата. Кстати, первая в мире могила неизвестного солдата появилась тоже здесь, в Париже, в 1920 году. Под Триумфальной аркой.

Серж кивнул вперед, туда, где вдалеке, в конце широкого, обрамленного зеленью проспекта высилась самая знаменитая Арка в мире. Теперь она была заметно ближе.

– Но вернемся в Москву. Возле могилы Неизвестного Солдата стоит обелиск. Он был установлен в 1914 году, в честь трехсотлетия Дома Романовых. Большевики стерли прежние надписи и начертали на нем имена своих предтеч. Сэкономили.

Серж презрительно усмехнулся.

– Есть там и французские имена, – добавил он.

– Робеспьер?

– Вы окажете мне большую услугу, Аня, если не будете при мне произносить этого имени, – сказал Серж очень спокойно.

Но Аня все поняла: она почувствовала, как воздух стал холодным и словно бы наэлектризованным. Собрав все силы в кулак, она все же тихо ответила:

– Хорошо, Серж. Конечно.

Обелиск в честь 300-летия дома Романовых. Арх. С. А. Власьев, 1914 г. Москва, Александровский сад.

Серж на мгновение прикрыл глаза. Воздух потеплел.

– Не сердитесь, Аня, – сказал он. – Есть вещи, которые я не перевариваю.

Рот его искривился в гримасе, и он зловеще добавил:

– И есть также люди, которых я не переношу.

Ох, и не завидовала Аня этим людям!

– Гильотина стояла точно на том самом месте, где теперь стоит обелиск, – продолжил Серж так, словно ничего не произошло.

Значит, ничего и не произошло, – сказала себе Аня. Она попыталась представить себе, как все это могло выглядеть – гильотина, толпа, жаждущая крови, и страшный звук падающего тяжелого лезвия... Ей стало не по себе.

– Ну, в общем, где-то примерно так, – сказал неожиданно Серж.

Аня обернулась к нему: он смотрел на нее спокойно-сдержанно, без всякой ухмылки. Он вновь прочел ее мысли. Точнее, даже не мысли, поскольку она, собственно, ничего и не успела подумать, а, скорее, картинку, возникшую у нее в мозгу. Аню пробрала дрожь. Кто же он, Серж?

– Ваши глаза, Аня, приобрели отрешенное выражение, – заговорил он, – Вы «отключились». Нетрудно было сообразить, что стоит перед вашим мысленным взором. И я уже понял, что у вас весьма богатое воображение. Впрочем, как и у меня. У вас наверняка отличные способности к визуализации.

Аня улыбнулась и немного расслабилась. Но в то же время, это, такое простое и естественное объяснение не убедило ее. Все не так просто, – подумала она. Но сейчас нужно было отвлечься от этого. Об этом можно будет поразмышлять потом, в одиночестве. А пока лучше это отложить на дальнюю полку...

– Если я не ошибаюсь, – начала она, – гильотина названа по фамилии своего изобретателя. Это так?

Серж пристально взглянул на нее. Потом он легонько вздохнул и ответил:

– Точнее, того, по чьей инициативе она была введена в употребление, Аня. Ее применение было одобрено по предложению доктора Гильотена, точнее, Гийотена. К тому же, он ее усовершенствовал.

– Доктора? Он что, был врачом?

– Да, именно так.

– Врач предлагает орудие казни? Тот, кто должен спасать человеческие жизни, работает над устройством, которое служит для убийства? Какая дикость! – возмутилась Аня.

– Видите ли, – ответил Серж, – Во-первых, он как раз и действовал из милосердия. Отменить смертную казнь он не мог, даже если б очень хотел – это было не в его власти. Зато он мог, по крайней мере, сделать ее максимально безболезненной.

– Казнь на гильотине безболезненна?

– Сильно сомневаюсь. Но, во всяком случае, она наименее мучительна. Гораздо менее мучительна, чем те виды казней, что применялись прежде: колесование, четвертование, пове-

шение и так далее. От полного списка я вас избавлю – он слишком длинен и явно не улучшает сон и пищеварение, особенно, если вспомнить о так называемой «квалифицированной казни».

– «Квалифицированная казнь»? – удивилась Аня, – Что это?

– Да так, не важно, – нехотя ответил Серж, – Зря я об этом упомянул.

Но Аня уже «вцепилась» в вопрос, и отмахнуться от него, не обидев ее, было почти невозможно, хотя Серж, судя по его виду, явно жалел, что не удержался от сказанного.

– И все же, – настойчиво спросила она, – Что это такое?

– Вы в своем амплуа, – заметил Серж. – Ладно, если вы так хотите это знать. Извольте. За этим внешне безобидным названием скрывается омерзительная реальность. Дело в том, что «квалифицированной» называли медленную, мучительную казнь, при которой осужденного, по сути, разделявали, как тушу в мясной лавке: взрезали живот и последовательно извлекали внутренности – не спеша, в строгой очередности – кишки и все остальное, следуя определенной схеме. Нередко и сдирали кожу, отделяли гениталии. Ну, и все такое прочее.

Аня пришла в неописуемый ужас. Она рефлекторно поднесла ладонь ко рту, и ее чуть не стошнило. Серж с тревогой посмотрел на нее.

– Вы в порядке? – спросил он.

– Да, – ответила Аня, с трудом разжав губы.

«Напрягать» Сержа она не хотела, да и не имела права: она ведь сама настаивала на ответе, хотя и видела, что Серж явно не питал большого желания пускаться в объяснения. Что ж, теперь она узнала то, что хотела... «– Сейчас уж, любопытная Варвара, хочешь – не хочешь, а держись...» – сказала она себе.

– Это все делали с ними заживо? – спросила она помертвевшим голосом.

Серж пристально взглянул на нее.

– Да, – наконец, ответил он, – разумеется. В этом и заключалась казнь.

– И сколько же длился этот кошмар?

– Бывало, что час и даже более.

– И это делалось при публике?

– Конечно.

– И что же, люди приходили и смотрели на это добровольно?

– Не просто добровольно, а охотно и с немалым интересом. Как же! Ведь это было зрелище! Естественно, сейчас, когда почти во всех странах Европы смертная казнь давно уже отменена в принципе, в это трудно поверить, но то было жестокое время.

– За что же так казнили? – спросила Аня, все еще не придя в себя от потрясения.

Пока что она никак не могла «переварить» сказанное.

– Ну, например, за... *haute trahison*. Как это по-русски?

Серж смешался.

– *High treason*, – перевел он на английский.

– Государственную измену?

– Да-да, верно, – согласился он. – И кстати, так, например, казнили Хьюго Диспенсера. Впрочем, полагаю, мы обойдемся без дальнейших подробностей, не так ли?

– Да, – тихо ответила Аня.

Подробностей с нее, в самом деле, было достаточно...

Теперь Аня понимала, что предложение доктора Гийотена выглядело – да и было в действительности – проявлением гуманизма и, пожалуй, в самом деле, оно было продиктовано соображениями милосердия. На таком-то фоне...

– Кстати, Аня, – прервал краткое молчание Серж, – Мне нередко приходится слышать сейчас всевозможные сетования на то, что «человек неисправим», что «нравы нисколько не становятся лучше», что «прогресс нулевой» и тому подобную чепуху. Полагаю, вы теперь согласитесь со мной, что это отнюдь не так. Совсем напротив: наблюдаются явные улучшения, не правда ли? Хотя, разумеется, нравы улучшались постепенно, медленнее, чем многим хотелось бы. Но разве могло быть иначе? И все же, изменения к лучшему очевидны. Вы не находите?

– Да, конечно, – не могла не согласиться Аня, – Люди, к сожалению, плохо знают историю – отсюда и идут эти разговоры. Но ведь всегда хочется, чтобы было лучше, разве не так?

Серж усмехнулся.

– Лучшее – враг хорошего, – заметил он, – Не следует хотеть от мира всего и сразу: это верх глупости и безответственности. Умеренный прогресс – это нормально. К чему так уж сразу сплошное неизреченное благо? Прямо сей момент – всеобщее счастье. Как говорят у вас в России, «сразу в дамки»! Абсурд! Это все равно, что от изготовления телег перейти напрямик к строительству реактивных самолетов. «Прыжок из феодализма сразу в «светлое будущее»? Это уже «проходили», или нет? Известно, к чему это привело... *L'enfer est pavé de bonnes intentions*. – «Благими намерениями вымощен ад». Так-то вот.

Серж саркастически ухмыльнулся. Глаза его приобрели совершенно непередаваемое выражение, которое Аня не смогла понять.

– Да уж, вымощен, – добавил он, – Не сомневайтесь. Человеческая природа консервативна. На все нужно время. Невозможно перепрыгивать этапы. И потом, всеобщее счастье в принципе недостижимо. Кто-то всегда будет несчастен – без этого невозможно.

– Но почему? – спросила Аня, с чувством внутреннего протеста.

– Да хотя бы потому, что есть люди, которые испытывают несчастье от счастья других людей. Скажете, таких нет?

Аня хотела было что-то возразить, но «прикусила язык» – Серж был прав: таких людей она и сама встречала. Поэтому она промолчала.

– Вот видите? – продолжил Серж, – Даже вы за свои двадцать с чем-то лет с такими успели уже столкнуться. Что уж говорить обо мне? А теперь сами подумайте: если все остальные будут счастливы, то уж эти-то точно будут несчастны. Так что лучше забыть об этом дурацком «всеобщем счастье». Вполне довольно, чтобы никто никого публично не потрошил в качестве санкции за нелояльность. По крайней мере, я придерживаюсь такого мнения. Впрочем, и гильотина – не подарок. И я согласен с вами, что врачу не пристало заниматься подобными вещами – изобретать устройства для быстрого и эффективного умерщвления сограждан. Кстати, тогда даже придумали стишок по этому поводу:

Guillotin,
Médecin
Politique,
Imagine un beau matin
Que pendre est inhumain
Et peu patriotique.
Aussitôt

Il lui faut
Un supplice
Qui sans corde, ni poteau,
Supprime du bourreau
L'office.

– Как это переводится? – спросила Аня.

– Полагаю, вы не ожидаете от меня поэтического перевода. А по смыслу... Примерно так: «Гийотен, врач-политик, вообразил как-то утром, что вешать – бесчеловечно и не слишком патриотично. Тотчас же ему потребовалась такая казнь, которая, обходясь без веревки и без столба, могла бы упразднить должность палача». Коряво получилось, но вы, надеюсь, проявите снисхождение.

– Что вы, Серж! О чем разговор?!

– — А во-вторых, речь идет не просто об убийстве, а о казни.

– Казнь – это тоже убийство, – возразила Аня. – Только «в законе».

– Вы хотели сказать: «на законном основании», или что?

– Совершенно верно, – подтвердила Аня.

Все-таки Серж – не русский, – поняла она. – Блатной язык он не знает. Или знает недостаточно, – поправила она, на всякий случай. И потом, это «или что» – тоже совсем не по-русски.

– «В законе» – это выражение из языка уголовников, – пояснила Аня.

Серж усмехнулся.

– Сейчас оно общеизвестно, – поспешно добавила она.

– Я понял, спасибо, – сказал Серж. – Из аргю. И что оно обозначает?

Аня замялась: она как-то была не особо сильна в «блатной музыке».

– Ну, есть такое выражение – «вор в законе», – ответила она неуверенно. – Это такая категория уголовников. Самая высокая...

– Хорошо, – прервал ее потуги Серж, – полагаю, я понял. Вернемся к доктору Гийотену. Правильно ли я понимаю, что вы – противница смертной казни?

– Да, конечно. А вы разве нет?

– Все не так просто, Аня. Вообще говоря, такой подход: «или-или» – не слишком разумен. Категорическое «да» или «нет» уместно, а порой и необходимо, лишь в редких случаях.

– Это – как раз и есть такой случай, Серж. Как вы не понимаете?! Убийство всегда остается убийством, хотя бы и по приговору суда. А суд ведь часто ошибается, или вообще несправедлив. Это же происходит сплошь и рядом! Да и кто может решать, жить человеку или нет? Кто имеет на это моральное право? Не ты дал жизнь, не тебе и отнимать!

– Вижу, вы очень эмоционально относитесь к этой теме. Поэтому я не стану ее развивать. Замечу только, что многие ваши тезисы спорны. Вот вы риторически вопрошаете: – Кто имеет моральное право отнимать жизнь? Но, во-первых, а кто имеет моральное право сажать в тюрьму, то есть отнимать свободу? Заметьте, свободу: для меня лично это всегда была, и по сей день есть, *главная* ценность. Однако же это приходится делать. А, во-вторых, вы говорите: – Не ты давал, не тебе и отнимать». Значит, по-вашему, тот, кто *дал* жизнь, *имеет* право ее забрать? Получается, что жизнь как бы дается взаймы, на время – и кредитор в любой момент может потребовать ее назад? Едва ли это приемлемо.

– Это все риторика! – запальчиво произнесла Аня. – В конце концов, пользуясь такими логическими рассуждениями, можно доказать, что черное – это белое. Так делали схоласты. Но в жизни все не совсем так.

Раньше Аня никогда так не говорила. Она вдруг осознала, что ее речь стала меняться – общение с Сержем неизбежно выводило на иной, более высокий уровень. Она стала употреблять слова и фразы, которые прежде казались ей слишком «книжными», вычурными. И она спорила. Спорила с Сержем! Не слишком ли она зарвалась? Хотя почему, собственно, зарвалась? Есть же у нее, в конце концов, свое мнение!

Серж реагировал совершенно спокойно.

– Ну, положим, логику пока что никто не отменял – заметил он немного ворчливо. – Хотя вы во многом правы, Аня. И я, собственно, не стремлюсь сейчас что-либо доказать – я просто обращаю внимание на моменты, которые мне представляются сомнительными. К тому же, бывают особые обстоятельства.

– Это какие же?

– Например, война. Во время войны действуют другие законы, другие правовые принципы: *la loi martiale* – *martial law* – как это по-русски?

По-английски Аня поняла. Она обратила внимание на то, что Серж сказал сначала по-французски, и лишь затем по-английски, причем, уже не в первый раз. Значит ли это, что французский – его родной язык?

– Законы военного времени, – ответила она после краткого раздумья.

– Да-да, вы правы. Спасибо. И тут надо действовать решительно: пресекать мародерство, грабежи, панику, наводить дисциплину и порядок. И приходится нередко прибегать к крутым мерам – в том числе и расстрелам. *À la guerre comme à la guerre.*³² Но мы слишком забрели в дебри. Пройдем к обелиску.

Аня размышляла о только что произошедшем разговоре. Она не могла не признать, что Серж в чем-то прав. Но...

– Взгляните, – прервал Серж ее размышления. – Помните, я говорил, что когда мы придем на площадь Согласия, мы увидим еще более эффектное зрелище? А теперь, видите?

Серж показал в сторону Триумфальной арки. Она стояла с как бы «вложенной» в нее той огромной аркой, что Аня видела еще от Лувра, но которую теперь было видно гораздо более отчетливо. При этом она сама замыкала собой широкий зеленый проспект, уходивший к ней от площади Согласия. Аня обернулась назад: за парком Тюильри, из которого они недавно вышли, была видна арка Каррузель, а за ней – махина Лувра с пирамидой Пэя. Все это было включено в единый, строго симметричный и на редкость величественный комплекс, поражающий своей уравновешенностью и благородной красотой.

---

³² На войне, как на войне (фр.)

Париж, площадь Согласия. Слева направо: отель «Крийон», Луксорский обелиск, церковь Мадлен, бывшее здание Гард-Мебль.

– А теперь, – сказал Серж – взгляните сюда!

И он показал вначале налево, а затем – направо. Совсем как фокусник экстра-класса, он демонстрировал Ане чудеса Парижа. И было, на что посмотреть!

Перпендикулярно Триумфальной дороге простиралась другая перспектива, значительно более короткая, но удивительно гармоничная: справа между двумя симметрично расположенными одинаковыми эффектными зданиями с колоннами открывалась короткая, но широкая, монументальная улица, которую замыкало красивое здание с портиком и колоннадой, напоминающее античный храм. А прямо напротив него, на другом берегу Сены стояло, образуя как бы противовес ему, другое, но тоже монументальное здание с портиком, изысканно перекликающееся с ним. Обе оси – Триумфальная дорога и эта, перпендикулярная ей перспектива – пересекались в центре площади Согласия, в той самой точке, где высился обелиск из розового гранита.

Аня была поражена, потрясена этим удивительным городом. Теперь она понимала, почему столь многие считают Париж красивейшим городом мира. И она была признательна и благодарна Сержу. Он обещал ей показать Париж, и он показал. И как! В два взмаха руки, изысканно и с блеском!

– А этот обелиск, он что – правда, из Египта?

– Да, конечно. Он был когда-то одним из двух обелисков, обрамлявших портал храма Амона-Ра в египетском Луксоре. Ему уже более 3400 лет, так что это – старейший памятник Парижа. 1300 иероглифов, которые его покрывают, повествуют о подвигах величайшего из египетских фараонов – Рамзеса II.

– Но если он из Египта, то как он оказался в Париже?

– Это был подарок.

– Подарок? – удивилась Аня.

– Именно, – ответил Серж, – подарок королю французов Луи-Филиппу от вали Египта Мухаммеда Али.

– Вали? – не поняла Аня.

– Вали, – пояснил Серж, – это был титул, который носил Мухаммед Али – тогдашний правитель Египта, кстати, урожденный албанец. Буквально это слово по-арабски значит «друг», или «близкий».

– То есть? Друг кого?

– Его, разумеется, – Серж показал на небо, – Впрочем, у этого слова есть и другие значения, например, «святой».

– У мусульман есть святые? – поразились Аня.

– В так называемом «народном» исламе и в суфизме, то есть, исламском мистицизме – есть. Но это – долгий разговор.

– А почему этот Али сделал такой подарок?

– Франция при Луи-Филиппе была его союзницей – по сути, единственной союзницей среди великих держав. Так уж сложилось. И французские деньги формировали бюджет Египта, давая Али возможность вести самостоятельную политику: именно при нем Египет стал, де-факто, независимым государством, хотя чисто формально Али считался вассалом турецкого султана, который был одновременно и халифом, то есть, главой всей мусульманской общины мира. Собственно, французское присутствие в Египте, в особенности финансовое, а, как следствие, также и политическое, началось именно тогда.

– Ну, хорошо, подарил – это я понимаю. Но ведь его же еще надо было как-то доставить?

– Ну конечно. Для этого в Александрию был направлен пароход «Луксор», специально для этой цели построенный на верфях Тулона: его трюм был сконструирован для перевозки обелиска. Он и доставил подарок Али в Шербур – французский военный порт на Ла-Манше, а оттуда – по Сене – в Париж. Это было в 1833 году. Но после этого обелиск еще целых три года пролежал здесь, на берегу реки, – Серж махнул рукой в сторону Сены, – ожидая установки. Это, видите ли, было не так просто. И только в 1836 году его, наконец, установили. Причем, эта операция заняла всего три часа.

– Три года ждали и за три часа установили? – спросила Аня с удивлением.

– О да, это так. Кстати, вот тут – на пьедестале – как раз и проиллюстрировано то, как это было сделано.

Аня взглянула на пьедестал – на нем действительно были изображены какие-то механические устройства, напоминающие строительные машины.

– Так, выходит, этот пьедестал – не от самого обелиска? – спросила она.

– Нет, настоящий пьедестал убрали.

– Но почему?

– Вас это, возможно, рассмешит, но его сочли неприличным.

– Но что же там такого могло быть? – Аня была изумлена.

– Обезьяны. Конкретно – бабуины. Они, видите ли, были изображены слишком натуралистично, так сказать, биологически точно. Такие уж были времена.

– А что это за здания? – спросила Аня, указав рукой в противоположную от обелиска сторону.

Она просто не была бы собой, если б не спросила: Серж прав, она действительно страшно любопытна.

– Это – Серж указал налево, за реку – Бурбонский дворец. Там заседает Национальное Собрание, то есть парламент. А напротив – здание, построенное в стиле римского храма – это церковь Мадлен.

Церковь Мадлен, Париж

– Церковь? – удивилась Аня.

– Да, представьте себе! Судьба ее была переменчива, и строилась она долго – 85 лет. Мои русские знакомые называют это «долгострой».

Аня улыбнулась. «Русские знакомые»! Это уже что-то.

– В итоге это здание стало церковью Мадлен, то есть святой Марии Магдалины.

– А что это за проспект? – Аня указала на широкую, обсаженную деревьями улицу, ведущую к Триумфальной арке.

– А это, Аня – они самые – не догадываетесь?

Они? Ой, ну конечно!

– Это – Елисейские поля? – спросила она.

– Именно. 1800 метров рая на земле.

– Рая?

– Ну да: ведь Елисейские поля – так древние греки называли рай. Елисейские поля – это поля блаженных. Обитель вечной жизни.

Елисейские поля Аня еще посмотрит, уж это обязательно. Позже. А сейчас:

– А эти два здания? – спросила она, показывая на два одинаковых павильона на стороне, противоположной Сене.

– Ах, это, – сказал Серж. – Слева – это отель «Крийон». Пристойный отель – здесь часто останавливаются главы государств, в том числе коронованные персоны.

Париж, Елисейские поля. На переднем плане – верхушка Луксорского обелиска, в перспективе – Триумфальная арка.

Аня попыталась представить себе, что такое для Сержа «пристойный отель». Нет, не удастся. Уж конечно, не ее «Рив Гош», с его типично парижским минимализмом. Впрочем, «Крийон» ведь тоже в Париже... Коронованные персоны – однако же!

– А то, что справа, – продолжал он, – Теперь там размещается Штаб Военно-морских сил Франции. А раньше...

Он усмехнулся. Взгляд его стал жестким, колючим. Злым. Аня поняла, то с этим зданием у Сержа связано нечто особенное, очень важное. И очень непростое.

ГЛАВА 5 «ПРИШЕСТВИЕ ПАРИЖА»

Серж молчал. Аня уже подумала, что он не станет об этом говорить, и тактично выжидала: ей казалось, что с этим зданием связаны какие-то травмирующие Сержа воспоминания. Но неожиданно он заговорил снова:

– Раньше здесь находился Гард-Мебль.³³
– Это что-то, связанное с мебелью? – спросила Аня.
– В какой-то мере, – улыбнулся Серж. – Вы молодец, Аня: внимательно слушаете, все подмечаете и делаете выводы.

Ане приятны были комплименты, но главным для нее в этот момент было то, что Серж улыбнулся – уж слишком жестким был перед этим его взгляд. Теперь он заметно смягчился. Впрочем, Аня не обольщалась.

– Мебель – да. Все так. Строго говоря, Гард-Мебль означает «мебельный склад». Но вы должны иметь в виду, что слово *meubles* имело тогда во французском языке более широкое значение, чем сейчас, и обозначало не только мебель как таковую, но и многое другое: драпировки, ткани, обои и так далее, а также всевозможные аксессуары – светильники и прочее. Но главное, что в свое время...

Серж не договорил. Аня видела, что он вновь испытывает раздражение и досаду, которые даже и не пытается скрывать.

– Короче, – собрался он, – Гард-Мебль являлась также хранилищем королевских ценностей. А, по сути, национальных ценностей Франции. Как Алмазный Фонд в Москве или Тауэр в Лондоне. Там были потрясающие вещи: алмазы и другие камни, которым просто нет цены. Поверьте, это не риторическая фигура, это констатация. Вот только охранялись они... Впрочем, правильнее сказать, что они вообще никак не охранялись.

– Это как же? – удивилась Аня.

– А вот так. Это произошло в сентябре 1792 года. Это один из самых кошмарных моментов в истории Франции. Полный хаос, разгул самой отпетой уголовщины, вакханалия насилия и разнузданности озверевшей и очумевшей от вседозволенности толпы. Страшное время.

– Да, революция.

– Революция? – переспросил Серж таким тоном, что Аня вздрогнула.

В его глазах больше не было ни иронии, ни насмешки, ни даже сарказма, а лишь пылающая немыслимым ртутным накалом убийственная белая ярость – словно на миг приоткрылась заслонка, и Аня увидела пламя Преисподней. Она испугалась и, должно быть, побледнела, и Серж это, очевидно, заметил, так как на миг закрыл глаза, а когда он открыл их вновь, в них была лишь усталость – страшнейшая, невообразимая усталость.

– Да, революция... – повторил он опустошенно. – Проклятая революция. И подумать только: в этой стране ежегодно отмечают ее годовщину как национальный праздник. Ну,

---

³³ *Garde-Meubles* (фр.) —букв. мебельный склад. Здание на площади Согласия, где прежде хранились королевские ценности. Ныне – Штаб ВМС Франции.

не кошунство ли? Впрочем, будьте уверены, что вашего покорного слугу вы в числе отмечающих не увидите. Кстати, может быть, это одна из причин того, что я не гражданин Франции...

Серж немного помолчал.

– Революция, – продолжил он, словно размышляя вслух, – социальный переворот... Знаете, когда банку переворачивают, все то, что падало на дно, слеживалось десятилетиями, веками, – подонки, – все это оказывается наверху. Вот и общество подобно этой банке. Если ее как следует встряхнуть, всплывает вся грязь и, простите великодушно, нечистоты – то, что должно быть внизу и там оставаться. Во всех революциях всплывают отбросы. И заметьте, каждая «социальная революция» непременно выпускает из тюрем преступников. Всех, скопом, вне зависимости от того, за что они сидят. И в России в 1917 году было то же самое. Словно они – жертвы прежнего режима, а не обыкновенные уголовники: бандиты, убийцы, грабители, воры – которые должны быть изолированы от общества всегда, при любом политическом строе.

– Неужели выпустили уголовников?

– А вы как думали? Это первым делом.

– Но почему?

– Ну, как же, «классовая» родственность». Точнее, родственность деклассированных элементов, маргиналов. Ведь именно такие и являются движущей силой всех революций. «Социально близкие». А также и «духовно», хотя какой там дух! В общем: «Выходите, друзья, грабьте, воруйте, насилуйте. Убивайте. Пришло время! Свобода, равенство и братство. Ура!» Хам Грядущий превратился в Хама Восторжествовавшего.

Серж молча посмотрел на бывшее здание Гард-Мебль.

– Всех выпустили, а как же! Карманников, грабителей с большой дороги, наемных убийц – всех. Так что Париж оказался в полной власти банд уголовников, рядящихся под «революционеров» и под этой все покрывающей маркой грабящих частные дома и магазины, нападающих на честных граждан с тем, чтобы обобрать их до нитки, а то и убить – из мести, ради корысти, или просто из куража. Чего проще: напялил кокарду и фригийский колпак – и вперед. «К новым свершениям!» Совсем так же, как пьяная матросская сволочь в Петрограде через сто лет с четвертью. И не только в Петрограде... Король умер – но нет, не да здравствует король! Да здравствует анархия! Грабь награбленное!

– Короля убили?

– Тогда еще нет, – грустно ухмыльнулся Серж. – Но Тюильри уже взяли «штурмом». Знаете, что собой представлял этот «штурм»? Осатаневшая толпа пьяного быдла ворвалась во дворец, грабила, убивала.

– Но разве короля никто не защищал? – удивилась Аня.

– Защищали, – совсем тихо сказал Серж. – Швейцарская гвардия.

– Как у Римских пап?

– Да, как у Римских пап. Швейцарцы остались верны своему долгу до конца.

Серж сжал губы, глаза его отрешенно смотрели куда-то в бесконечность. Такого Сержа Аня видела впервые.

– Они все полегли, – договорил он почти будничным тоном. – Швейцарцы – это швейцарцы, Аня...

– Ваши земляки? – каким-то «верхним чувством» сообразила она.

– Да, – мои земляки, – и в голосе Сержа прозвучала гордость. – Они погибли, защищая не только короля Франции. Они погибли, защищая честь. И не только свою. Но во Франции... Серж махнул рукой.

– О, Франция, – в тоне Сержа отчетливо прорезалась ирония, – Марианночка у нас – образцовая республиканская девочка. *L'ancien régime* – бяка. *République. Liberté. Mort aux tyrans!*³⁴ Кто бы говорил о тирании... Представьте: у Франции даже государственного герба до сих пор так и нет.

– Как это? Разве такое возможно?

– В этой стране все возможно.

– А что вместо него?

– Вместо него – сеятельница.

– Кто-кто?

– Марианна, то есть, девушка во фригийском колпаке, символизирующая свободу, и изображенная сеющей зерно в борозду.

– Сеет разумное, доброе, вечное? – съязвила Аня.

– А это откуда? – с интересом спросил Серж.

– Это написал Некрасов.

– Николай Алексеевич? Очень интересно. Ну, да, наверное – разумное, доброе и все прочее. Только сеет она почему-то это вечное против ветра.

– Почему?

– Это вы у меня спрашиваете? Я не знаю. А от догадок своих я в вашем обществе, Аня, лучше воздержусь. При случае взгляните на монету – убедитесь.

– Но ведь франков уже нет?

– Я и не предлагаю вам смотреть на франки. Посмотрите на монеты в 10, 20 или 50 евро-центов. На так называемой «национальной стороне». Это и есть вместо герба.

– Но почему так?

– Гербы, видите ли, напоминают о королевской власти, о феодальных порядках, о дворянах, аристократах. А их во Франции не сильно жалуют, мягко говоря.

– Что, правда?

– Правда. Это не как у вас, в России – теперь, после распада СССР. Быть дворянином вновь стало престижно и модно. Здесь же это до сих пор – весьма дурной тон. Так и обходятся без государственного герба. Уж тем более без короля. Королей, императоров – на мыло! Вот выпить коньяк перед едой – это кошмар! Дурной вкус. И думать не моги! Такой афронт! А королям головы резать или аристократов вздернуть на фонарях – это пожалуйста. Никакого дурновкусия.

На губах Сержа блуждала саркастическая усмешка.

– Но на Родине о них не забыли, – вновь заговорил он.

– О швейцарских гвардейцах?

– Именно. В Люцерне им поставлен памятник. И какой памятник! «Умиравший лев». По трогательности и вместе с тем по силе трагизма ему нет равных на этой планете, уж поверьте! В этой оценке я совершенно солидарен с Марком Твеном, которому случилось увидеть его во время его путешествия по Европе. Впрочем, чему тут удивляться? Ведь это Торвальдсен! Родина заказала памятник величайшему скульптору своего времени. Родина не поскупилась...

---

³⁴ (фр.) Старый (т.е. прежний) Режим. Республика. Свобода. Смерть тиранам!

Что это? Что с глазами Сержа? Они блестят, они увлажнились. Какой же он разный! И на какие же сильные эмоции он, по-видимому, способен.

«Умиравший лев». Памятник солдатам швейцарской гвардии в г. Люцерн. Скульптор Бертель Торвальдсен.

– Пожалуйста, не забудьте, Анечка, – продолжил он уже совершенно спокойно, – хочется думать, вы еще побываете в Швейцарии. Найдите возможность заехать в Люцерн. Он и вообще стоит того. Но памятник надо посмотреть обязательно. Когда увидите – поймете почему. А что до Гард-Мебль, то все вышло нелепо до абсурда. Здание фактически стояло открытым, и туда мог войти любой прохожий, а точнее, проходимец. Правда, за ним должна была присматривать Национальная Гвардия, но если учесть, что в роли национальных гвардейцев выступали свежевypущенные из тюрем уголовники, успевшие вовремя натянуть трехцветные кокарды, то сами понимаете...

– И что же произошло?

– Простите, Аня, но мне в ответ на этот вопрос невольно приходят в голову совершенно непечатные выражения.

– Французские?

– О да – сначала французские. А потом и прочие. Поверьте, как полиглот я отлично умею ругаться на многих языках. Самое мягкое выражение, которое тут можно употребить, это... Впрочем, все равно не стоит. Достаточно сказать, что большие банды воров заходили туда, как к себе домой, четыре раза – 11, 13, 15 и 16 сентября. И каждый раз уходили не с пустыми руками. Шестнадцатого в здание проникла банда в 50 человек. Они явились со своими женщинами, кутили.

– Они что, просто вошли в дверь?

– Нет, конечно. Это было бы уже чересчур – даже для такого театра абсурда. Входная дверь все-таки была заперта, и там находился привратник. Поэтому они залезали через окно, что, впрочем, не представляло никаких трудностей.

– И где же были камни?

– Почему же только камни? Далеко не только! Золотая утварь, gobелены и прочее. Много всего. Например, там была церковная литургическая посуда кардинала Ришелье.

– Ничего себе!

– А вы как думали? Что же до алмазов и прочих камней, то они содержались в восьми ящиках комода. Запертых, разумеется.

– Просто в ящиках комода? Не в сейфе?

– Что вы, какой там сейф! Просто мебельные ящики. А что там было! Дух захватывает. «Регент», «Санси», «Зеркало Португалии», знаменитый «Синий алмаз», а, кроме того, полный комплект регалий ордена Золотого Руна, еще «Берег Бретани» – это не алмаз, это – шпинель.

– Шпинель – это тоже драгоценный камень?

– Да, Аня. Весьма ценный. Красного цвета, внешне похож на рубин. Раньше его называли рубин-балэ, или рубин-балас. Хотя минералогически рубин и шпинель – это совершенно разные камни. Вообще говоря, шпинель значительно дешевле алмаза. Но для такого знаменитого камня, как «Берег Бретани» это уже не имеет никакого значения. Это исторический камень – крупный, неправильной, весьма прихотливой формы. Кстати, знаменитые «рубины» Британской короны – «Рубин Черного Принца» и «Рубин Тимура» на самом деле тоже – шпинели. Но от этого их ценность несколько не умаляется. За ними тянется такой исторический шлейф! И псевдо-исторический тоже... Между прочим, Российская Большая Императорская корона тоже увенчана огромной шпинелью.

– Большая? А что, есть маленькая?

– Есть и Малая корона, изготовленная позже Большой – в начале 19 века, при Александре 1.

– А Большая?

– Большая была изготовлена в конце 18 века для Екатерины II. Камни для нее – алмазы и прочие – подбирал Иеремия Позье, первоклассный ювелир. Кстати, ее еще украшают два ряда крупных, великолепно подобранных «восточных» жемчужин. «Восточным» называют самый лучший жемчуг. Между прочим, в Гард-Мебль жемчуга тоже хватало. Впрочем, жемчуг – это особая история...

– Что значит «особая»?

– Видите ли, Анечка, хотя жемчуг, с одной стороны, является одним из наиболее ценных камней – он входит в «великолепную пятерку» вместе с алмазом, рубином, синим сапфиром и изумрудом, но, с другой стороны, у него есть одна беда. Он не очень-то долговечен. Дело в том, что жемчуг – материал органического происхождения, он, как вы, наверное, знаете, образуется некоторыми видами моллюсков. И поэтому он содержит много органического вещества, которое со временем, естественно, разлагается. Поэтому жемчужины «болеют» и, увы, «умирают». Так, обнаруживаемые в богатых древних захоронениях изумруды, рубины и прочие камни сверкают, как всегда. А вот от жемчужин остается, как это по-русски?

Серж на минуту задумался.

– Труха, – сказал он, наконец, неуверенно.

– Да, Серж, – поспешила на помощь Аня, – такое слово есть. Я поняла. И это очень печально. А можно как-нибудь продлить жемчугу «жизнь»?

– Да, Анечка, можно. Но, конечно, лишь на какое-то время. Есть разные способы. Но самый главный – и самый простой: жемчуг нужно носить. Обязательно!

– Я поняла. Спасибо, я учту это – в будущей жизни, – пошутила она.

Но Серж, кажется, не принял ее шутки – он посмотрел на нее как-то слишком серьезно.

– Для того, чтобы что-то учесть в *будущей* жизни, – сказал он без улыбки, – надо помнить *предыдущие*.

Ане стало как-то зябко, не по себе, и она поспешно вернула разговор в прежнее русло.

– А что стало с теми камнями, которые украли? – спросила она.

– По-разному, – ответил Серж невозмутимо, – В качестве примера приведу судьбы трех великих камней. «Регент» – другое название этого алмаза «Питт» – самый ценный из всех – был вскоре подброшен ворами обратно.

– Подброшен обратно?! – Аня была ошеломлена. – Этого не может быть! С какой стати? Только не говорите мне, что их загрызла совесть.

– О нет, – не совесть, – рассмеялся Серж. – От этой напасти они свободны. Просто вы не вполне представляете, что можно сделать, завладев таким камнем, как «Регент», незаконно.

– Вы хотите сказать, что его трудно продать?

– Не трудно. Скорее, невозможно. В самом деле, кому вы его продадите? Какой скупщик сможет его купить? Разумеется, в наши дни ситуация иная. Сейчас покупатель бы нашелся. Хотя это все равно было бы не легко. Но тогда... В свое время – еще до всех этих событий – его прежний владелец – англичанин Питт- совсем уж было отчаялся найти покупателя для него, пока, наконец, его не согласился купить Регент Франции герцог Орлеанский за 135 000 фунтов! Немыслимые деньги!

– А зачем этот Питт его вообще продавал?

– Помилуйте, Аня, да он весь извелся, бедняга, пока держал камень у себя дома. Все время как на иголках. Он стал почти больным. И вообще, камень принес ему одни расходы – до тех пор, разумеется, пока он его не сбыв с рук – так, ему пришлось заплатить астрономическую сумму за огранку. А где бы он нашел страхователя, который согласился бы застраховать камень? Так и пришлось держать незастрахованный камень при себе, сходя с ума от беспокойства. Сбыв камень, он не только приобрел значительную, мягко говоря, сумму. Он впервые вдохнул полной грудью. И это, заметьте, притом, что камень принадлежал ему вполне законно. А уж вора... Правда, камень можно было расколоть и продать по частям. Это уже реалистичней. Но где вы это сделаете? Алмазы не колют на каждом углу... Так что: не продать, но и при себе держать – опасно, и даже очень. Проще избавиться. А как вор может избавиться, не «подставляя» себя? Только подбросить.

– Понятно. Странно немного. Но если подумать, то, действительно. И что с ним было дальше?

– С мистером Питтом?

– Нет, с алмазом, – рассмеялась Аня.

– У него еще были приключения. Наполеон вынужден был его заложить.

– Почему?

– Война, Анечка. Война – это очень дорогое удовольствие.

– Ничего себе – удовольствие. Скажете тоже...

– Вы правы. И сомнительное к тому же.

– Но Наполеон же не продал его?

– По счастью, нет. Он его потом выкупил обратно. Позже, во время Второй Мировой войны, в годы оккупации, камень увезли в замок Шамбор, что в долине Луары, и спрятали от немцев за панелью мраморного камина, где он и пролежал до 1944 года.

– И где он теперь?

– Примерно в километре от нас, – Серж кивнул в сторону сада Тюильри.

– В Лувре? – догадалась Аня.

– Совершенно верно.

– А как он попал к Питту?

– Точно этого не знает никто.

– Даже вы? – улыбнулась Аня.

– Даже я, – вполне серьезно ответил Серж. – Хотя рассказывают всякие байки, возможно, и имеющие отношение к действительности. Якобы камень был найден в Коллурских копиях около 1701 года.

– Это в Индии?

– Да, на реке Кистне. До 18 века там добывали алмазы в аллювиальных россыпях.

– В каких россыпях?

– В речных отложениях, – пояснил Серж. – Так вот, якобы камень нашел раб, занятый на этих работах.

– Алмазы добывали рабы?

– А вы полагали, что там процветал вольный труд свободных сознательных граждан?

Ох, Серж, и когда только он бывает серьезным?

– Ну, и решил, – продолжил он свой рассказ, – а не прикарманить ли ему камень? И сбежать? Так сказать, на свободу с чистой совестью.

Серж иронично смотрел на Аню. Да уж, в России он бывал...

– Aussitôt dit – aussitôt fait! «Тотчас сказал – тотчас сделал». Как это по-русски?

– Сказано – сделано.

– Чудно! – Спасибо, Аня. Так вот. Он нанес себе рану на лодыжке с тем, чтобы спрятать камень под повязкой. В этом месте комментаторы, как правило, скептически замечают, что рана должна была быть весьма немаленькой, и я не могу не согласиться. Камень в 400 карат! Это не мелочевка...

– Такой огромный! – Аня была ошарашена. – Это же...

Она развела пальцы сантиметров на пять.

Алмаз «Регент»

– Именно. Как бы то ни было, он сумел сбежать и добраться до побережья, где доверился одному англичанину- капитану корабля, чтобы тот – за долю в стоимости камня – доставил его в страну, где он мог бы быть свободным.

– Доверился?!

– А что ему оставалось? Но капитан камень присвоил, а несчастного раба выбросил за борт.

– Ужас!

– Ну, а что вы хотели? Как раз очень даже реалистично. Капитан потом продал камень купцу Джамчунду – такой, в самом деле, был, правда, плохо кончил. Говорили, что как раз наш любезный мистер Питт и помог ему избавиться от тягот земной жизни.

– Он его убил?

– Так говорили. И даже писали в газетах. Но надеюсь, вы не считаете газеты чистым, незамутненным источником святой правды? Впрочем, такое вполне могло быть. Теперь что касается Синего алмаза. Это настоящее чудо. Цветные алмазы – вообще редкость, а тут: огромный камень великолепного насыщенного синего цвета. Он «всплыл» позже – в 1830 году в Лондоне, где его купил банкир Генри Хоуп – за 18 тысяч фунтов. По тем временам – совершенно астрономическая сумма. Но только это уже был не прежний «Синий», а лишь его фрагмент весом всего в 44 карата. Он получил название «Хоуп». Где и когда камень раскололи, и где находятся его более мелкие фрагменты, неизвестно. «Хоуп» же хранится теперь в Смитсоновском Институте в Вашингтоне. Даже теперь, после того, как он основательно «похудел», он все равно остается одним из крупнейших цветных алмазов в мире.

– А третий камень, о котором вы хотели рассказать?

– Третий... – задумчиво и как бы в растяжку произнес Серж, – тут история печальная. Хотя, кто знает. Возможно, ее еще ожидает хэппи энд... Этот камень – «Зеркало Португалии». Кстати, его изображение можно увидеть в Эрмитаже, на портрете королевы Англии Генриетты-Марии. Чтобы вам было понятнее, *что* портрет этой малоинтересной особы делает в Эрмитаже, замечу лишь, что он принадлежит кисти Ван Дейка. Этот камень просто исчез. Больше он не «всплывал» нигде. Ни разу. Но... Впрочем, пожалуй, и все...

Серж улыбнулся.

– Пойдемте, Аня, – сказал он мягко. – Договорим по дороге.

Они тронулись в путь, причем, как раз по направлению к зданию, о котором шел разговор.

– Вы наверняка голодны, да и просто устали, в конце концов. А я вас потчую рассказами. Как у нас говорят, *belles paroles ne font pas bouillir la marmite*, то есть, «от красивых слов котелок не закипает». Какой здесь русский эквивалент?

Аня задумалась. Но уже очень скоро ее озарило:

– Наверное, точнее всего «Соловья баснями не кормят», – ответила она.

Определенно, она была сегодня в ударе.

Серж выслушал ее ответ с большим интересом – в глазах его светилось любопытство. «Мотает на ус» – подумала Аня. «А ведь мы похожи!»

– Очень любопытно, – сказал он. – Почему соловья, не знаете?

– Честно говоря, понятия не имею.

– Не важно. Я, должно быть, за последние пару часов вас просто заболтал.

– Ну, что вы, Серж! – искренне возразила Аня. – Все это безумно интересно. Услышать о Париже от вас – это огромное везение! Я уверена: так, как рассказываете о нем вы, больше не расскажет никто.

– Я люблю этот город, – сдержанно отреагировал он на Анины восторги.

– Да, это заметно, – улыбнулась она.

Серж рассеянно улыбнулся в ответ – он явно был погружен в свои мысли. Выглядел он, совершенно определенно, как человек, оказавшийся во власти воспоминаний. Аня старалась держаться максимально тактично и воздерживаться от вопросов: если Серж захочет, он расскажет сам.

Тем временем, они уже отошли от площади Согласия на довольно порядочное расстояние и шли по улице Риволи обратно, в сторону Лувра. Справа тянулась решетка ограды сада Тюильри. За садом, и дальше – за рекой, на том берегу, виднелось протянувшееся вдоль набережной красивое здание типично парижского вида, с огромными окнами, скорее всего, музей. А слева, на той стороне, по которой они шли, насколько хватало взгляда, тянулись бесконечные аркады, так что они с Сержем все время шли под ними, постоянно имея крышу над головой. На Риволи – подумала Аня – не страшно, если тебя застанет ливень, а ты, на беду, вышел без зонтика. Дома, первые этажи которых образовывали эти аркады, были все одинаковой высоты и словно бы выстроены в линейку. И в Париже, насколько Аня успела заметить, так было везде. Складывалось впечатление, что весь город, или, по крайней мере, его центр образует как бы единый ансамбль. Это было очень красиво, и, пожалуй, производило еще больший эффект, чем отдельные выдающиеся здания.

Париж окружал их со всех сторон. Париж был здесь. И теперь уже это не было для Ани просто скоплением домов, церквей, магазинов и туристских достопримечательностей, известных всему миру. Это был Город. Не Париж с рекламных проспектов и буклетов, город гламура и столица мировой моды, где надо было непременно побывать, чтобы «отметиться» – потому что «так надо», потому что «все так делают», по крайней мере, все, у кого есть для этого малейшая возможность. Потому что не побывать в Париже «неприлично», тем более, если ты живешь в Европе. Потому что надоело слышать фразу: «Как, ты еще не была в Париже?» Словно это делает тебя в чем-то неполноценным, не преуспевшим в жизни. Словно нужно выполнить некую «обязательную программу» и закрыть, наконец, этот вопрос: приехать, посетить положенные объекты, проехать по Сене на речном трамвайчике, подняться на Эйфелеву башню, сфотографироваться на фоне Триумфальной арки и Собора Парижской Богоматери и по возвращении домой предъявить все это, чтобы, наконец, сказать: – Все, я была в Париже, и отстаньте от меня.

Нет. Теперь Аня видела Париж совсем другими глазами. Не глазами туриста, приехавшего «пофотографироваться», а глазами... Глазами Сержа? Нет, не совсем. Правильнее сказать, теми глазами, которые открыл ей Серж. Теперь Аня словно бы видела, как на этих улицах тысячами убивают гугенотов, как король стреляет по прохожим из мушкета, как падает нож гильотины. Как горит дворец Тюильри, подожженный коммунарами, как обрушивается Вандомская колонна. Как по улицам носят воздетую на пикую голову несчастной любовницы Людовика XV Мадам Дюбарри. И у Ани болело, щемило сердце, когда эти картины прокручивались перед ее мысленным взором. Никогда и никаким боком Париж не ассоциировался у нее прежде ни с чем подобным – она привыкла воспринимать его, как город любви, мечты, красоты, моды – чего угодно в таком роде, но только не резни, варварства и вандализма. Это был *другой Париж*, за блеском фасадов которого скрывалась реальная история с ее ошеломляющими противоречиями и подчас непримиримой политической борьбой.

Мысль о том, что в Париж можно «съездить» один раз и остановиться на этом, казалась теперь Ане дикой, кощунственной. В Париж надо приезжать вновь и вновь. Открывать его. Сколько всего сконцентрировано здесь в одном только лишь квартале – в районе Лувра и Тюильри! И это наверняка далеко не все. А ведь это лишь маленькая часть Парижа, пускай

даже и центральная. Как все удивительно насыщено в этом городе: пространство и время здесь словно сжаты до предела, закручены в тугую спираль.

И все это открыл ей Серж. Аня с ужасом думала теперь, что могла бы не встретиться с ним, не познакомиться. Или не могла? Может быть, все это было предопределено свыше? Может быть, это – судьба?

Что ждет ее дальше? Этого Аня не знала, но одно, по крайней мере, она понимала четко и ясно: ничто уже больше не будет так, как было, что-то изменилось раз и навсегда. И она сама уже никогда не будет прежней.

– Прониклись Парижем? – спросил неожиданно Серж.

Но в этот раз Аня не восприняла это как вторжение в ее мысли и чувства. Напротив, ее охватило радостное волнение, ощущение некоей сопричастности. Предчувствие откровения...

– Да, Серж. Это просто поразительный город. И мне хотелось бы узнать о нем все. Жалко только, что тогда пропадет тайна.

– Тайна не пропадет, не волнуйтесь, Аня. Для нее всегда остается достаточно места. И даже более чем достаточно. Впрочем, некоторые тайны сегодня, я полагаю, проявятся. Вы проявили, Анечка, терпение и такт, и вы заслужили это. Но об этом – чуть позже. Сначала мы поедем, и вы хотя бы немного отдохнете. А пока смотрите и слушайте, вбирайте в себя Париж – он стоит того.

Эти слова разрядили психологическое напряжение, которое, как теперь поняла Аня, то ослабевая, то усиливаясь вновь, не отпускало ее все это время. И теперь она действительно успокоилась. В самом деле: ярко сияет солнце, впереди обед с Сержем в наверняка не худшем парижском ресторане. Разве этого мало? И пусть даже перед ней не растворятся врата рая, все равно – жизнь прекрасна и удивительна! Как эта улица.

– Скажите, Серж, а почему она носит имя Риволи? Кто это был такой?

Париж, улица Риволи. Слева – Лувр.

– Никто, Аня. Риволи – это не фамилия, а географическое название. Это городок на севере Италии, недалеко от Вероны, где в ходе битвы, длившейся с 14 по 15 января 1797 года, Наполеон разгромил австрийскую армию генерала Альвинчи, после чего принудил к капитуляции гарнизон осажденной Мантуи, и фактически установил французский контроль над Северной Италией. Только по-итальянски это название произносится с ударением на первом слоге: Риволи.

– То есть, битва длилась два дня? – удивленно спросила Аня.

– Да. Так и было.

– И они все это время сражались? Двое суток?

– Ну, разумеется, не двое суток *подряд*, без передышки. Хотя бы потому, что по ночам в те времена боевых действий не вели: это было тогда технически невозможно. Так что с наступлением темноты, так или иначе, наступало затишье, и сражение могло быть продолжено с рассветом или позже. Наполеону пришлось тогда не легко: в какой-то момент давление австрийцев стало настолько сильным, что он вынужден был предложить часовое перемирие.

– Перемирие в один час? Странно. Я, конечно, не разбираюсь в военном деле, но, по моему, это слишком мало.

– Наполеону хватило. За этот час он сумел перегруппировать свои силы, что в итоге и привело его к победе.

– И улицу назвали тогда же?

– Ее проложили через девять лет после сражения – на основании императорского указа от 1806 года. Тогда же и назвали. Генерал Наполеон Бонапарт, тем временем, успел стать Первым Консулом, а затем и императором Наполеоном I.

В этот момент Аня увидела, что прямо перед ними открылась как бы примыкающая к улице Риволи маленькая площадь. В центре ее стояла на постаменте позолоченная статуя какого-то, как поначалу показалось Ане, рыцаря верхом на коне. Но, подойдя поближе и рассмотрев скульптуру лучше, она заметила, что это девушка.

– А вот и площадь Пирамид, – произнес Серж прежде, чем Аня успела о чем-либо спросить.

– Пирамид? Это в честь Пирамиды Пэя и тех, маленьких пирамидок, что рядом с ней? – спросила Аня с сомнением.

– Нет, Аня, – улыбнулся Серж, – это в честь больших пирамид – тех, что в Египте.

– Я понимаю, что веду себя так, как будто только что слезла с дерева. Но все-таки, причем тут египетские пирамиды?

– Ох, и где же это растут такие деревья? Не просветите? Многие дорого заплатили бы за такую информацию.

Аня рассмеялась. Настроение Сержа ей нравилось: не было больше этих приступов мрачной задумчивости, улетучилась куда-то злость, сарказм. Может быть, Серж принял какое-то решение – и успокоился?

– У Лукоморья, – ответила она.

Удивительно легко было у нее на душе. Она вновь почувствовала эмоциональный подъем, внутреннюю раскрепощенность, желание шутить и импровизировать. Как будто где-то внутри нее отпустили какой-то клапан, и она отдалась этой дружелюбной, ненавязчивой словесной игре.

Серж, услышав ее ответ, слегка поднял брови и задумался. Лицо его выражало забавную растерянность. Вот так-то, – подумала Аня – теперь была моя подача. Посмотрим, как ты ее отобьешь.

– А! – внезапно воскликнул он и легонько хлопнул себя по лбу.

Лицо его просветлело. Неужели он и это помнит? Чтобы иностранец так знал русский язык и литературу – такого Аня прежде и представить себе не могла.

– Ну конечно! – сказал он. – «Русалка на ветвях сидит»! Вот вы о чем.

Подача отбита. Да, Серж – это Серж. Ну, и отлично! – сказала себе Аня. Это больше не вызывало у нее чувства раздражения и досады. Наоборот – она испытывала восхищение: Серж узнал эти стихи сразу. Но, очевидно, не смог сразу вспомнить продолжение. И тогда она решилась задать вопрос, который занимал ее с детства:

– Серж, а вы не знаете, что такое «лукоморье»?

Серж, казалось, слегка остолбенел. Он был явно обескуражен.

– Мне кажется, – ответил он, – что это я должен бы у вас спросить. Мне очень жаль, Аня, но я об этом знаю не слишком много: на старых картах так назывался раньше район в Сибири... Вот там я точно не бывал.

И он помотал головой.

– А пирамиды?

– Пирамиды?

Серж был верен своей привычке переспрашивать.

– С пирамидами дело тут дело обстоит так же, как и с Риволи. Это еще одна из побед Наполеона – битва у Пирамид.

– В Египте?

– Ну да. Во время Египетской экспедиции в битве у Пирамид 21 июля 1798 года Наполеон разбил турецко-египетское войско Мурад-бея.

– Это действительно произошло у пирамид?

– В нескольких милях от них. Рядом с самым Каиром.

– Я и не знала, что он забирался так далеко.

– Далеко? Да он в Индию собирался! Думал отнять ее у англичан. И вообще все это египетское предприятие было направлено против Англии. Но, увы, несмотря на бойкое начало, экспедиция провалилась.

– Почему?

– Мне страшно неприятно об этом говорить, Аня, и меня всегда разбирает злость. Но факт есть факт – увы, на море французы англичанам не соперники. И не только французы. Англия действительно была великой морской державой. На море с ними не мог соперничать никто. Они разгромили французский флот в сражении при Абукире – меньше чем через месяц после битвы у Пирамид. В результате французская армия в Египте оказалась отрезанной. Что вы хотите? К сожалению, у них был Нельсон, а у французов – всего лишь Брюи.

– Я помню из учебника английского языка, что в Лондоне стоит памятник ему – колонна Нельсона. Он действительно был таким выдающимся адмиралом?

– Вице-адмиралом, – поправил Серж.

– То есть, выше поднимай? – спросила Аня.

– Наоборот, – ответил Серж, – ниже опускай. Это на одно звание ниже, чем адмирал. Но это я так, цепляюсь от злости. Нельсон... Это был Наполеон морей, Аня. Чем был Наполеон на суше, тем был Нельсон на море. Увы.

– Вы не любите англичан?

– До любви тут, мягко говоря, далековато... Вам не приходилось иметь с ними дело?

– Пока что нет.

– А вот мне, к сожалению, приходилось, и часто. Гораздо чаще, чем хотелось бы. Очень хорошо о них сказал ваш генерал-фельдмаршал Кутузов, который, кстати, был не только хорошим генералом, но и превосходным дипломатом. И вообще очень умным человеком. Он как-то сказал в одном разговоре примерно так: «Если этот остров завтра пойдет ко дну, я даже

не охну». За буквальную точность не ручаюсь, но смысл именно таков. Но, как бы я к ним ни относился, а не отдать им должное не могу: они самые лучшие моряки.

– А что с ним стало, с Нельсоном?

– К сожалению, он погиб такой смертью, о которой только может мечтать любой солдат – в бою. Причем, в победоносном бою. И, увы, вновь против французского флота. А «к сожалению» потому, что он стал знаменем для Англии. Ну, как же: *«За Англию, за дом родной и за красу»*. Ох уж мне эти англичане! Взгляните!

Серж кивнул в сторону памятника.

Памятник Жанне д'Арк и отель «Регина», Париж, площадь Пирамид.

– Узнаете? – спросил он.

На сей раз, Аня почти не сомневалась.

– Это Жанна д'Арк?

– Да, это Жанна – одна из двух Жанн, что стоят в Париже. Именно англичане и сожгли ее в 1431 году в Руане.

– Это ведь было в Столетнюю войну?

– Да, все так.

– Зачем они это сделали?

– Затем что она была знаменем, под которым Франция объединилась, чтобы дать им отпор. Они хотели лишить Францию этого знамени. Но, к счастью, было уже поздно. Им это не помогло. В 1453 году взятием Бордо Франция победоносно завершила Столетнюю войну. Из всего, что Англичане нахватали во Франции, у них в руках остался лишь один Кале – на некоторое время.

Серж немного помолчал.

– Знаете, Аня, – вновь заговорил он, – в 1415 году, после того как один английский король, произнесением имени которого я не желаю осквернять свои уста, одержал победу над французским войском при Азенкуре, он приказал перебить пленных.³⁵

Аню это потрясло.

---

³⁵ Речь идет о Генрихе V. См. John Sutherland and Cedric Watts: *Henry V, War Criminal? and Other Shakespeare Puzzles*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

– С тех пор, – продолжил Серж, – слово «англичанин» во Франции является синонимом слова «подлец». Впрочем, он за это расплатился: уже в 1422 году он сдох, предположительно от дизентерии.

– Бог наказал его, – сказала Аня. – Он действительно совершил ужасную подлость.
– Бог, говорите?

Серж посмотрел на Аню, потом отвел глаза.

– Знаете, Аня, почему она позолочена? – спросил он, вновь кивнув на статую Жанны д'Арк.

И сам же ответил:

– Это сделал Гитлер во время оккупации.

– Зачем? – удивилась Аня.

– Во-первых, как жест навстречу французам, которые не приходили в восторг от оккупационного режима. А главным образом для того, чтобы использовать образ Жанны д'Арк – национальной героини Франции, уже „раскрученный“ патриотический брэнд – в идеологической борьбе против Англии. В духе: мы, новая Европа, „Крепость Европа“, плечом к плечу – против англосаксонских плутократов», то есть Англии. А заодно и США.

– А кто такие «плутократы»? Плуты, что ли?

– Не совсем. Хотя и плуты, конечно, тоже, и вообще – очень нехорошие люди. А если серьезно, греческий корень «плуто» означает «богатство», следовательно, «плутократия» означает «правление богачей», денежных мешков. Но я сейчас веду к тому, что это стало возможным благодаря очень старой неприязни – теперь вы знаете, откуда она идет. Поэтому не стоит удивляться, тем более, возмущаться тому, что многие французы во времена Второй Мировой войны – когда приходилось выбирать между Англией и Германией, предпочитали последнюю. В России этого не хотят понимать, Впрочем, это их дело.

Аня, по правде говоря, тоже до сего момента этого не понимала: коллаборционисты, Виши, сотрудничество с Гитлером – как на такое можно было пойти?! Конечно, застарелая вражда с Англией – это понятно. Но все же...

– Что, полагаете, 15 век – это слишком давно, и можно бы уже кое-что списать? – спросил Серж, глядя на Аню и словно вклинившись в ее размышления.

И, не ожидая ответа, продолжил:

– Так вот, да будет вам известно, что англичане сами всегда заботились о том, чтобы эту старую неприязнь постоянно подновлять. А в тот раз – в 1940 году – они просто превзошли себя.

– Что же они сделали? Ведь они были союзниками, разве не так?

– Так. Но 22 июня 1940 года Франция подписала перемирие с Германией и вышла из войны. Кстати, заметьте себе: именно перемирие! А никак не капитуляцию, как об этом любят врать повсеместно: в книгах (в том числе, учебниках), по телевидению и так далее: мол, «французы капитулировали». Ничего подобного! Это Германия подписала в мае 1945 года «полную и безоговорочную капитуляцию», в результате которой она лишилась государственности и, оккупированная четырьмя державами, перешла под их управление, сосредоточенное в союзном Контрольном Совете. А Франция в 1940 заключила перемирие, сохранив свое правительство, местную администрацию, полицию, армию, флот, дипломатические представительства и свою колониальную империю.

– Но ведь она была оккупирована!

– Частично. Оккупации подверглась Северная Франция с Парижем плюс Атлантическое побережье до испанской границы. Южная Франция оставалась не оккупированной вплоть

до ноября 1942 года. Но, подписав перемирие, Франция, повторяю, вышла из войны. И вот тогда-то...

– Что?

– Англичане, – как вы верно заметили – недавние союзники – атаковали французский флот, который стоял в гавани Мерс-эль-Кебир в Алжире, возле города Оран.

– Боже, зачем?

– Затем что они якобы боялись, что французы сдадут свой флот немцам. Хотя немцы, в соответствии с условиями перемирия, этого не требовали. Но у гордых британцев уже поджилки тряслись.

У Сержа на лице было написано такое отвращение, что Аня подумала даже, что он сейчас сплюнет, что вообще-то казалось ей совершенно невозможным, – и конечно, он этого не сделал, а только скривил губы в брезгливой гримасе.

– Они, для начала, предъявили французам ультиматум: на выбор – либо присоединиться к Британскому Королевскому Флоту и перевести корабли в британские, а в случае необходимости даже в американские порты, – либо самим затопить свои корабли.

– Господи, это же кошмар какой-то! Как же так? И кто же командовал ими?

– Имя этого человека, недостойного звания офицера и предавшего воинскую честь, я даже не хочу произносить, – ответил Серж. – Но, как вы понимаете, он выполнял приказ подлецов повыше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.